

Дариса ДЕНИСЕНКО

Отголосок:
от погибшего деда
до умершего

Лариса Денисенко
Отголосок: от погибшего
деда до умершего

предоставлено правообладателями

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6562196

Лариса Денисенко «Відлуння. Від загиблого діда до померлого».
Літературно-художнє видання (російською мовою): Фоліо; Харків;

2012

ISBN 978-966-03-6074-7

Аннотация

Вина и прощение – два мощнейших жизненных мотиватора, справиться с которыми психологически тяжело. Именно это предстоит героям романа – молодому немецкому юристу Марте фон Вайхен и украинскому физику Марату Шевченко. Чем связаны их жизни, такие разные? Что им предстоит узнать о себе, о своих родственниках, о вине и прощении; справятся ли они с правдой? Об этом вы узнаете на страницах романа Ларисы Денисенко «Отголосок: от погибшего до умершего деда».

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	23
Глава третья	42
Глава четвертая	65
Глава пятая	82
Глава шестая	99
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Лариса Денисенко

Отголосок: от погибшего деда до умершего

Глава первая

Не знаю, для кого как, но для меня ощутима разница между дедом, который погиб во время Второй мировой войны, и дедом, который умер в 2011 году. На первый взгляд – существенной разницы нет, потому что в сухом остатке мы имеем двух умерших дедов.

Но если углубиться в этот вопрос, начинаешь понимать, что тот дед, похороненный в 43-м, был молодым, сметливым, идеалистичным, но недалёководным двадцатипятилетним юношей, который погиб в чужом краю, оставил вдовушкой бабу, умершую в семидесятом году прошлого века. А также сиротами двух ребятешек. Один из которых был моим отцом. А второй – моей теткой. На могилу этого деда меня и моего брата родители однажды возили. Помню, было это весной. И нас слишком тепло одели, думали, что в эту пору там свирепствуют холода. На самом деле там было теплее, чем в Берлине, и мы чуть не упарились в своих пуховиках.

Мы помолились за упокой души деда, потом я начала петь

Интернационал, но мать прервала меня. Тогда я слегка пожурила деда за то, что он поверил бредням Гитлера, потому что нельзя верить мужчинам маленького роста с такой ужасной прической и усами; а еще мы с Манфредом (это мой брат) положили на могилу деда бумажный самолетик, который, на самом деле, сделал Манфред. Но подарили мы его от нас двоих. Манфред сначала упирался, он предлагал мне подарить деду – галстук (из тех соображений, что это нормальный подарок для мужчины, пусть даже и умершего) или любимый роман деда (это было коварно со стороны Манфреда, потому что никто из нас двоих не знал, умел ли дед вообще читать, что уж говорить о его любимых книжках или музыке). Я успела возмутиться, но не успела выразить свое возмущение – отец пресек шалости Манфреда одним лишь взглядом.

Наш отец – федеральный судья. А для того чтобы заслужить признание сторон процесса, коллег, политикума и общества, ты должен научиться не только убедительно говорить, но и, что возможно важнее, убедительно смотреть. Благодаря этому умению своего сына дед получил от нас, своих внуков, один единственный подарок.

В отличие от того деда, этот дед, умерший уже теперь, вряд ли был идеалистичным, невозможно себе представить идеалиста, которому исполнилось девяносто четыре года. Хотя – как знать. Проблема заключалась даже не в этом. Проблема заключалась в другом: я не знала, что дед не погиб

тогда, в сорок третьем. Я не знала, что это не он оставил вдовушкой свою жену, а детей – сиротами, а как раз она оставила его вдовцом. И меня это поразило. Уши горели, будто крошечные беспризорные детишки развели в них костер, чтобы не замерзнуть, и что-то жарили, чтобы не умереть с голоду.

В тот день я зашла к родителям – полить цветы. Я ненавижу поливать цветы (причина этой ненависти мне так же неизвестна, как и причина моего отвращения к вытиранию пыли), но я очень ответственная. Родители поехали поддержать Манфреда на конкурсе архитектурных проектов, в Баварию. Манфреда это бесило. Но он был не из тех редких людей (я, например, знаю только двух адвокатов), которым удавалось изменить решение, принятое отцом. Итак, они уехали. Ну а я должна была присмотреть за родительскими цветочками, а еще выгуливать Тролля, таксу Манфреда. Если честно, то Тролля должна была выгуливать Бриг, жена Манфреда. Но она, хоть и не поехала поддержать его вместе с родителями, ухитрилась уехать к подруге на свадьбу. С Манфредом они повздорили по поводу того, какое событие является действительно неповторимым: свадьба Амалии или Баварский конкурс проектов коттеджей. Манфред утверждал, что, насколько он знает Амалию – второй свадьбы с ее непосредственным участием нам не миновать, потому что она очень легкомысленная и пялится на мужские задницы даже тогда, когда ест ванильный крем, когда ей делают прививку и даже

когда целуется с этим «ее несчастным почти-мужем»! А вот Баварское общество архитекторов не будет его дожидаться, в следующем году конкурсные приоритеты и требования могут быть другими, кроме того, на этот раз у него есть все шансы победить.

Бриг на это отвечала, что в следующем году баварские архитекторы обязательно будут проводить очередной конкурс палаток, собачьих будок, скворечников, коттеджей или еще какого-нибудь хламовника и что Манфред туда опять потащится, и она уверена, что его «идиотский скворечник» обязательно победит, потому что его выберут «идиотские скворцы». А вот Амалия не из тех женщин, которые только то и делают, что вступают в брак. Еще она сказала, что Манфреду должно быть стыдно за такие подлые мысли об Амалии. Еще: если он так думает об Амалии – ясное дело, точно так же он думает и о ней, Бриг, именно поэтому они живут вместе три года, так и не поженившись. Она так и знала, что он специально подставляет свою задницу под нос Амалии всякий раз, когда Амалия целуется со своим женихом. И это отвратительно! А еще она сказала, что бело-голубое платье подружки невесты, по последней моде, ей чрезвычайно к лицу. Я думала, что она еще что-то скажет. Манфред тоже. Но Бриг стала собирать свой чемодан. А Манфред – свой. В итоге, они пришли к согласию, что дело «неповторимость свадьбы Амалии v. неповторимость Баварского архитектурного конкурса» решит следующий год. И поспорили на бутыл-

ку рейнского. Я разбила. Если бы им была нужна моя юридическая консультация, я бы сообщила им, что обе ставки сомнительны. Но люди привыкли больше доверять букмекерам, чем нынешним юристам. Иногда я их прекрасно понимаю.

Поэтому на мои плечи свалились обе проблемы – и цветы, и Троль. Вторую проблему я решила очень быстро, взяла Троля с собой в родительскую квартиру. Он выгулялся, стащил с подноса мой бутерброд с ветчиной, выплюнул огурец и, похоже, вообще прекрасно себя чувствовал – валялся на ковре и восторженно повизгивал, грызя ножку кресла. А когда она ему надоедала – принимался за бахрому от покрывала, обессиленно свисавшего до самого пола. Утомленное покрывало серого цвета. Я не ругала и не воспитывала Троля, потому что это была не моя собака. Хотя меня и подмывало дернуть его за хвост. Но – нет. Приучишься ругать братни-ных собак, потом станешь шпынять его детей.

На то, что звонит телефон, я не обратила никакого внимания. В конце концов, поливать цветы я обещала. А отвечать на телефонные звонки – нет. А потом явился герр Олаф Кох. Я сразу его узнала, как только он закашлял в домофон. Олаф Кох никогда не курил (по крайней мере, я этого не видела, и Манфред тоже), но каждую свою фразу (даже приветствие) он начинал, предварительно прочистив горло кашлем. Чем-то это напоминало оперного певца, хотя я понимаю, что это

странная ассоциация. Пришлось ему открыть. Это наш семейный Поверенный. В нашей семье не принято держать поверенных на крыльце. Не знаю, кто положил начало этой традиции, но все ее придерживались. Кроме того, он так просто не уйдет. Если уж дотащился до нас. Берлин – город больших расстояний.

Для Олафа Коха (надо сказать, что обычно он предупреждал о том, что зайдет, поэтому его визит был для меня неожиданным) мать готовила большую чашку кофе с обезжиренным молоком и неперенные сладости с вишнями на белом блюде. Отец учился с ним в университете и всегда говорил о нем, что Олаф никогда не жаждал лавров выдающегося юриста и блестящей карьеры. «Всю жизнь он работает поверенным, и мне кажется, что я остаюсь самым важным из его клиентов». Когда я была маленькой, я думала, что в юридической иерархии поверенные занимают места дворников. И удивлялась. А по поводу того, что Олаф Кох не лез из кожи из-за должности федерального судьи (а отец лез, еще и как!), я думала: с такой фамилией трудно быть амбициозным, все равно ты будешь проигрывать печально известной палочке.

Итак, Олаф Кох вошел в родительскую гостиную. Он рассматривал меня с неуверенностью и недоверием. В его файловых документах по поводу нашей семьи было записано следующее: семья фон Вайхен. Йохан фон Вайхен, 1940 г. р., его честь федеральный судья; Агнес фон Вайхен (в девиче-

стве Барт), 1951 г. р., дизайнер. Дети: Манфред (1974 г. р.) и Марта (1976 г. р.) фон Вайхен. В его сознании я как была, так и остаюсь ребенком фон Вайхен. И он поверить не мог в то, что у ребенка могут быть седые волосы (у меня ранняя седина, унаследовала по материнской линии). Свою седину я не закрашиваю, мне нравится иметь вид женщины, за сединой которой угадывается богатое событиями прошлое.

Для Олафа Коха Манфред фон Вайхен не читался как – Манфред фон Вайхен, 1974 г. р., архитектор; Марта фон Вайхен не читалась как – Марта фон Вайхен, 1976 г. р., доктор права, преподаватель. Да, кто-то должен был пойти по стопам отца. Манфреду повезло, в детстве он продемонстрировал (и не уставал демонстрировать постоянно) ярко выраженный талант. Надо сказать, что благодаря своему проявившемуся в детстве таланту Манфред всю жизнь экономит на подарках. У меня дома есть коридор Манфреда, он ведет в столовую. На полках стоят созданные и подаренные им скульптуры и макеты, на стенах – его же картины, около арки, которая служит входом, пристроилась такса-стойка, там я поселила несколько пар тапок, сухой камыш, влажные салфетки и вазочку с орешками: такса-стойка – многоуровневая. Моделью послужил Тролль.

Меня же в детстве интересовали взаимоотношения полов, права сексуальных меньшинств, олимпийская символика, Микки-Маус, Вторая мировая война, а также история в

целом. Не знаю, что именно из этого перечня убедило родителей в том, что у меня склонность к юриспруденции, лично я ставлю на пройдоху Микки. Я не работаю судьей, я не работаю адвокатом или прокурором. Я преподаю в университете. И моя работа мне нравится. Хотя адвокатская лицензия у меня есть, можно сказать, что это мой подарок отцу.

Своих детей у герра Коха не было. Но он определил для себя, как с ними нужно общаться. Он показывал пальцами «козу-дерезу», а еще делал «бип», нажимая на нос. И улыбался нервной улыбкой, которая перестала вызывать у меня слезы, когда мне исполнилось шесть лет. До этого же, завидев улыбку герра Коха, я начинала отчаянно визжать. А мать вечно извинялась перед ним за меня. Манфред улыбки Коха не боялся, он был занят тем, что рисовал его портрет. За годы детства мой брат создал пятьдесят портретов нашего поверенного. Как-то отец решил подарить «милому Олафу» эти портреты. Но мать запретила. Я, конечно же, понимаю ее мотивацию. На портретах улыбающийся Олаф Кох в своей традиционной широкополой шляпе был похож на киношный образ маньяка. Хотя у меня есть некоторые сомнения по поводу того, что герр Кох узнал бы в них себя. Где эти портреты сейчас – я не знаю. Может быть, мать их хранит, чтобы пугать ими своих будущих внуков.

Жена герра Коха – Агата Райс, осталась на своей британской девичьей фамилии. Она была «серьезным ученым», изучала крыши Стокгольма, вычисляя места, где теорети-

чески и практически мог обитать Карлсон. Крыши столицы Швеции она знала намного лучше, чем тело собственного мужа, о чем неоднократно без тени стеснения упоминала в разговоре с моей матерью, не обращая внимания на Манфреда, который ее рисовал, и на меня. Благодаря Агате Райс Манфред научился замечательно вырисовывать женские ноги под любым углом.

Кроме того, я знаю, что однажды (возможно, были и другие попытки, но наверняка я знаю только об этом случае) Агата предложила моей матери амур де труа. Я не знаю, как отреагировала на это Агнес фон Вайхен, потому что мать заметила мое присутствие и отправила меня в детскую. Теперь мне остается только догадываться: было ли у них что-то или нет. Подслушивать под дверью я не осмелилась. Впрочем, ставлю на последнее, принимая во внимание собственнические инстинкты моей матери. Конечно, это могло потешить самолюбие моего отца. Но для его самолюбия осознание того, что его хочет фрау Райс, было уже достаточным и не нуждалось в практическом подтверждении.

«Марта, Марта. А где господин судья?» – спросил у меня Олаф Кох, безуспешно пытаясь стряхнуть с себя Тролля, который сообразил, что поверенный интереснее, чем ножки кресла и бахрама от покрывала. Кох не заметил, как автоматически сделал в мою сторону «козу-дерезу», я давно на это не реагировала. «Родители в Баварии. Поехали поддержать Манфреда». «Так. Значит, их нет?» «Они как Бог, – замети-

ла я. – Всегда с нами, даже если не рядом». «Как Бог», – повторил господин Кох. Я заметила, что он принес с собой что-то квадратное в большом свертке. Тролль тоже это заметил и принялся обнюхивать. «Сделать вам кофе?» – предложила я. Вид у Коха был беспомощный. «Да, если можно, – ответил он. И добавил как-то совсем уж загадочно: – Уж придется». Как будто более мерзкого кофе, чем тот, что могу сварить я, он никогда не пил.

Когда я вернулась с кофе, Олаф Кох вместе с Троллем расположились в кресле. «Согнать?» – спросила я. Кох смотрел на чашку с кофе. Я поняла, что сейчас он пытается связать глагол «согнать» с напитком. Тогда я поставила чашку на стол, подвинула ее ближе к креслу, а Тролля взяла на руки. Тролль вывернул уши. Не знаю, что это у него значило: он то ли радовался, то ли сердился. Тролль не очень щедр на эмоции, для нормального общения и понимания ему вполне хватает этих двух. Может, и мне стоит попробовать? Кох посмотрел себе на колени так, как будто у него что-то отсекали. «Олаф (года три назад он предложил, чтобы мы с Манфредом обращались к нему по имени), что-то случилось?» Тролль, по-видимому, решил, что где-то рядом озеро, потому что начал болтать лапками в воздухе, как будто собирался сделать заплыв.

«Я не могу с ними связаться со вчерашнего дня». Я пожала плечами, я не настолько тоскую по семье, чтобы звонить им по телефону каждый день. Олаф подумал, что я не

поняла, о ком идет речь. «Я имею в виду твоих родителей». «У них очень насыщенные дни. Манфред наверняка отключил телефон. Не думаю, что он хочет, чтобы ему трезвонила Бригитта и сообщала, какое платье на Амалии, с кем танцует она сама и кто пытается ее соблазнить, нормальный ли вид у священника и какими цветами украшен зал. Отец сейчас в отпуске, не удивлюсь, если он не взял с собой мобильный. А мать хотела проведать кухню, раз уж они оказались в Баварии, поэтому ее потребность контролировать и общаться удовлетворяет «малышка Розамунда» и три ее дочери».

«У меня были предчувствия», – сказал Олаф. Сейчас он был похож на детектива из старых американских сериалов, который подозревает в совершении преступления всех, кроме своей сварливой жены. И не потому, что она так уж невинна, а потому, что он никогда не осмелится учинить ей допрос. Троллю тоже так показалось, поэтому он перестал изображать из себя пловца, спрыгнул на пол и принялся громко лаять. Когда я смотрю на Тролля – диву даюсь, как можно быть таким самоуверенным, с такими кривыми и короткими лапами? Хотя, люди такие мне встречались...

Я решила, что могу положить руку на плечо нашего верно-го поверенного. Лично я не люблю, когда касаются моей спины или плеч, но как еще можно продемонстрировать сочувствие и понимание? «Я могу чем-то помочь, Олаф?» Он посмотрел на мою руку так, будто ему нарастили лишний орган или он обнаружил на своем теле раковую опухоль. Я убра-

ла ее. Руку-опухоль-лишний орган. Я его понимала. «У меня были предчувствия, что это случится именно тогда, когда никого не будет в городе. Йохан... Помочь? Марта, в принципе, да, ты можешь помочь. Мне нужно выполнить кое-какие обязанности. Я должен оставить эти вещи. В свертке. Ну и поставить в известность семью. Кто бы мог подумать, что он... Все права, в конце концов, принадлежат мне. То есть доверены мне. Поэтому я должен распорядиться... Ты не думай, что я этого хотел. Йохан сам мне все отписал». Олаф говорил это так, будто отец лишил меня с Манфредом наследства в пользу Олафа Коха.

«Я и не думаю», – заверила его я. И соврала, потому что я успевала подумать сразу о нескольких вещах. Олаф не обрадовался тому, что я не думаю. Но, поскольку он молчал, я коснулась свертка. «Олаф, а я могу?» «Да», – сказал он. И выпал из кресла, как маленький птенчик из гнездышка. Беспомощно. Сейчас его сожрет злая киска. Вместо этого его облизала сумасбродная собака. «Надо сначала научиться летать», – буркнула я. Но мою руку со свертка он убрал решительно. И собственноручно распотрошил его.

Библия. Широкополая черная шляпа с какими-то прядками по бокам. А, это, наверное, хасидское. Самоучитель иврита. Папка бело-голубого цвета. Я вспомнила, что платье подружки невесты, в которое, по-видимому, сегодня одета Бриг, именно в таких тонах. Эта папка – тоже подружка невесты.

«Это что?» «Вещи твоего деда». «Деда?» «Да». «Моего деда?» «Именно так». «Деда по какой линии?» «Йохана и Эльзе». «И где они были все это время, эти вещи? С сорок третьего?? Больше шестидесяти лет». «У твоего деда». «Что?»

«Марта. Ты можешь сесть? Спасибо. Дело в том, что сегодня в 4:45 утра умер твой дедушка. Вот ты снова вскочила... Садись, очень тебя прошу, мне неудобно с тобой разговаривать, когда я нахожусь в кресле. Это только скворцы весело поют, сидя в скворечнике. Возможно, потому что его крепят к дереву. Кроты не поют, так ведь? Садись. Кроме того, что это – веселое известие, ты еще и вымахала до 178, немного высоковата. Умер твой дед – Отто фон Вайхен, единственный сын барона фон Вайхена. В возрасте девяноста четырех лет. От рака позвоночника». «Олаф, в 1989 году, весной, мы ездили в СССР, и я молилась на могиле деда. Думаете, мне это приснилось? Того самого деда, который, как вы говорите, умер сегодня в 4:45». Мой дед не погиб во время Второй мировой войны. Мой дед умер сегодня. А еще он был еврей-хасидом. Чушь!

Герр Кох простучал пальцами по ручке кресла несколько тактов марша. Я пыталась понять, какого именно марша и почему я решила, что это марш, но сбилась с ритма. Потому что вдруг обратила внимание на то, что у Коха длинные и сильные пальцы. Он был маленького роста, и его руки почти полностью утопали в рукавах рубашек, пиджаков и джемпе-

ров. У него не было личного портного, и, в отличие от моего отца, который как раз имел хорошее телосложение, не шил костюмы и рубашки на заказ, поэтому фабричные вещи оказывались всегда пусть хоть немного, но великоваты для него. Сейчас было почти лето, поэтому он был в рубашке с короткими рукавами. Я никогда не видела Олафа Коха летом.

«Марта, такое случается. Ты тогда могла подумать, что СССР не будет? А будет, например, такое государство, как Казахстан? Хотя ты была ребенком, и, по-видимому, это тебя не интересовало. Ты была в стране, которой уже не существует. И молилась на могиле деда, который умер только сейчас. Иногда о важных вещах узнаешь спустя какое-то время. А часто и вообще не узнаешь. И еще неизвестно, что лучше».

«Олаф, это был марш? Вы сейчас отстучали пальцами».
«В определенном смысле. Это Хорст Вессель¹». «Народничество. Интересно, дед любил этот марш? Тот дед, который умер тогда, скорее всего, любил. А этот, который умер сегодня?» «Не знаю. С ним невозможно было общаться. Именно невозможно, а не трудно». «Он был агрессивным?» «Марта, поговори с Йоханом. На самом деле, я навещал твоего деда в соответствии с контрактом раз в полгода. И воспоминания об этих посещениях не из приятных. Йозефа я информировал о каждом моем визите. Не могу сказать, что меня это тяготило, в конечном счете, такова уж моя работа, но я втайне

¹ Хорст Вессель (1907–1930) – нацистский активист, штурмфюрер СА, автор текста «Песни Хорста Весселя». (Здесь и далее прим. переводчика.)

радовался, что не имею с этим человеком никакой родственной связи. Твой дедушка был больным. Сейчас я не имею в виду рак, который его сломил. Он болел им меньше года. Я говорю о другой болезни. Возможно, это был рак души. Из рта у него постоянно свисала тонкая и длинная ниточка слюны, как будто неведомый паук плел в его пасти кружевную западню и охотился за его языком или за гландами. Выжидал, пока они отпадут. Твой дед любил разговаривать. Но он говорил на таком языке, что понять его было невозможно. Точно так же он писал. Посмотри на его записи, они в папке».

Я подумала, что до сих пор и не подозревала о поэтичности Олафа Коха, точно так же, как и о длине и силе его пальцев. Может, поэтичность Олафа Коха неразрывно связана с летом? Мое чрезмерное концентрирование на Олафе свидетельствовало о том, что известие о дедке было для меня фактически убийственным, я просто не могла в это поверить.

Несколько листочков выпало мне на колени. Среднего объема тетрадь сползла на пол, Тролль мгновенно припал к ней носом. Я легонько топнула ногой, пес глянул на меня с обидой. Но отошел. Еще бы. Тридцать девятый размер ноги выглядит, как небольшая, но мощная собака! «Это иврит?» «Нет. Если бы. Это – непонятно что. Совпадает несколько знаков, вот и все. Но твой дед был убежден в том, что пишет и общается на иврите». «Значит, мой дед был евреем». «Марта, твой дед был немецким бароном. И ты об этом пре-

красно знаешь». «Вы хотите сказать, Олаф, что мой дед был немецким бароном, который иногда ходил в хасидской шляпе с прядками и был убежден в том, что общается на иврите? Не думаю, что это расценивалось как забавное чудачество даже то гда, когда он родился. Я уже не говорю о тридцатых и сороковых годах двадцатого века. Или вы хотите сказать, что у немцев-аристократов поощрялись такая одежда и такое поведение?»

«Марта – Йохан! Я думаю, что вам с отцом будет о чем поговорить». «Только с отцом? А как насчет Эльзе?» Ответа не последовало. Младшая сестренка ничего не знает. «А это что?» Рядом с записями на вымышленном языке я увидела глянцевую карточку-прямоугольник с изображенными на ней двумя персиками. Она была похожа на те, что продаются с наборами «Учим ребенка считать!» Или на карточку детского лото. Один плюс один равняется два. Персики были подписаны. Ясное дело, на том же языке, который мой дед (я уже освоилась с тем, чтобы называть его дедом) считал ивритом. Вообще, вся эта картинка была густо испещрена черными чернилами, замордованные плоды, отвратно. Я спрятала ее в папку. Ладони вспотели. Нельзя так пугаться персиков. «Дедовы персики, – сказал Олаф. – Он любил мне это показывать и заставлял читать. Если бы я что-то понимал. Марта, тебе плохо?»

Я и правда чувствовала себя нехорошо. Уши горели, во рту пересохло, ладони взмокли. Олаф вышел и вскоре вер-

нулся с двумя стаканами воды. Перелил из двух маленьких бутылочек, Олаф никогда ничего не пил из бутылок или банок – только кружки или стаканы; всегда тихо, но настойчиво делал замечания Манфреду, который часто встречал поверенного с банкой пива в руке. Троль сопровождал Коха на расстоянии своего прыжка. «Ты бы убрала с шеи шарфик, он... э-э-э... сдавливает», – сказал господин Кох. Я забыла, что на моей шее уже была готова шелковая удавка. Подарок Дереха. Пунктирные коричневые линии на тускло-белом фоне.

«Олаф, и что теперь? Нужно устраивать похороны, нужно сообщить родителям, наверное, нужны объявления в газетах? Составить некролог? У меня путаются мысли, простите. Не могу в себя прийти. Никак». «Марта, осторожнее. Ты облилась водой. Похороны – это моя забота. Честно говоря, даже не моя, этим занимается заведение, где его содержали. Соответствующие распоряжения я отдал. Завтра его доставят в крематорий, ты можешь подойти, хотя это не обязательно, все состоится в крематории этого заведения, очень быстро, не думаю, что это будет напоминать торжественную церемонию. А я потом принесу вам урну. Если пожелает Йохан. В принципе, есть возможность оставить урну на территории местного кладбища. Большинство родственников пациентов поступают именно так».

«Я не думаю, что...» «И никаких газет, Марта. Это закры-

тое заведение. Я прошу прощения, но в нем не держат обычных людей с простыми историями, понимаешь? Ты все правильно сказала, твой дед погиб еще в сорок третьем, пусть оно так и остается. Огласка и публичность этой смерти ни к чему. Да и вашим жизням тоже. Детка, тут уж ничего не поделаешь. Приедет Йохан, я думаю, что он все тебе объяснит. Я не знал, осведомлена ты или нет относительно этого дела, Йохан никогда не говорил со мной об этом. Никто не мог подумать, что все это случится именно тогда, когда его не будет в городе, и никого не будет, кроме тебя». Я неопределенно кивнула. Я ничего не понимала.

«Марта, ты собираешься пойти туда завтра?» «Я...» «Я спрашиваю, потому что мне нужно заказать пропуск. Так ты пойдешь? Ну, ладно. Обязательно прихвати с собой какой-нибудь документ, хорошо?» «Возьму права». «Замечательно! Права – это замечательно. Тогда распишись в подтверждение того, что я оставил тебе вещи. Здесь опись. Пожалуйста, на каждой странице. И я пошел». Я чувствовала, что ему стало легче от того, что он с этим покончил. «Марта, тебе сейчас лучше побыть с кем-нибудь. К сожалению, не могу составить тебе компанию, нужно это дело довести до конца. Смерть – очень забюрократизированное событие. Особенно, в сравнении с рождением. Странно, ведь заканчивать дело должно быть легче, чем его начинать». «Не всегда. Мне легче начинать. А вот заканчивать не очень хочется».

«Здесь не тот случай. Хочется или нет – все равно... Да-

вай, я позвоню Бригитте». «Она на свадьбе». «О! Может, тогда Ханне?» «Я попрошу Дерека». Олаф поднял левую бровь. Никто в нашем окружении не любит Дерека. Кроме меня. «Дерека. Попросишь Дерека... Что ж. Значит, Дерека. Ну, в конце концов, как хочешь. Агата передавала тебе привет, если Дерек... будет занят, ты можешь подъехать к ней в клуб. Они сегодня празднуют один из дней рождения Карлсона. У них не скучно. Кроме того, ты знаешь, что она всегда тебе рада».

Глава вторая

Больше всего мне сейчас хотелось позвонить даже не Дереку. А тете Эльзе. Хотя я знала, что ее нельзя огорчать. Это был семейный постулат: ни при каких условиях не волновать тетю Эльзе, ей досталось и без нас, бедняжке. Но все равно хотелось позвонить, изменить голос и сказать: «Все, крошка, твой папочка умер и вскоре придет за тобой». Но я не могла поступить настолько подло. Тете Эльзе вполне хватало Боно. Бонапарта, моего кузена. Когда моя мать была недовольна каким-то из наших с Манфредом поступков, мы всегда ей напоминали о Боно. Хорошо иметь кузена, из которого «куку» выскакивает и раздается чаще, чем из шварцвальдских старинных часов с кукушкой. Установлено, что эту птичку в часах придумал мастер Кеттерер из Шенвальда. Странно, что фамилия Боно была не Кеттерер, потому что казалось, будто его тоже мог выдумать или смастерить этот господин. То есть я хочу сказать, что Боно выглядел вполне rispetтабельно, его можно было назвать славным, но все равно наступал момент и из него лезло наружу традиционное «куку». Пока что этот механизм не отказывал.

Боно – единственный из моих родственников, кто имеет каноническую арийскую внешность: он блондин с серо-голубыми глазами. Это вообще-то странно, потому что отцом Боно был турок по имени Хакан Исмаил Демирель. Хотя среди

турок блондины встречаются не так уж и редко. Бонапартом сына назвал он, и именно в честь того, о ком вы подумали. Когда Боно вырос, он стал Боно Демирелем, сейчас он жил во Франции, скрывал свое немецко-тюркское происхождение, сочинял психоделическую музыку и работал диджеем в закрытом клубе любителей мерло. Он красил волосы, ресницы и брови в черно-коричневый цвет. И никогда не случилось такого, чтобы волосы его выдали. Он за этим следил. Обычно Боно носил высокие черные сапоги поверх джинсов, черное коротенькое узенькое пальтишко и черный беретик и вел себя, как фам фаталь и Че Гевара одновременно, если вообще можно себе такое представить.

Я не могу назвать собственного кузена извращенцем в классическом понимании этого слова (а наверняка есть и классическое понимание!), но, чтобы было понятно, на мой день рождения в этом году я получила от него открытку такого содержания: «Ква-ква-ква-ква!» По-моему, немного странно получить такое от кузена, а не от лягушки. Но принимая во внимание то, что деда держали в закрытом заведении и он был не в своем уме, теперь я пересмотрела свое отношение к Бонапарту Демирелю и осознала, что, возможно, на некоторые вещи в своем поведении он просто не мог повлиять. Еще неизвестно, какие пертурбации в связи с этими обстоятельствами ожидают меня и Манфреда. Возможно, когда-то мы будем прятаться от Тролля на шкафу, время от времени жмуриться (со мной это уже сейчас началось) и

точить коготки о мебель.

Боно был талантливым, у меня есть несколько дисков с его записями. Интересная музыка, и ни одного намека на «квак-ква» или «ку-ку». Во Францию он отправился потому, что его не понимала собственная мать, да и все мы, его родственники, не слишком благосклонно к нему относились. Все привыкли считать его недотыкомкой, потому что можно сколько угодно быть талантливым музыкантом-диджеем, все равно твои родственники с бóльшим уважением будут относиться к пусть и не очень талантливым, но юристам.

Я посмотрела на чашку в своих руках и поняла, что все это время я допивала кофе Олафа Коха. Надеюсь, что поверенные ведут благоразумный образ жизни и я не буду осчастливлена, например, бытовым сифилисом. Раздалась «Ода к радости», это была моя мать. С удивлением я осознала, что вовсе не рада тому, что она дала о себе знать, кроме того, я не знала, что я должна ей сказать. Хорошо, что моя мать никогда не чувствует сложностей в общении. «Ну, и как там цветы?» – услышала я ее уверенный, радостный голос. «Цветы – хорошо», – ответила я. И подумала, как бы она отреагировала, если бы я сказала: «Цветы – хорошо. По крайней мере, они живы. А вот наш дедушка – нет».

«Манфред завтра будет дома. Ближе к пяти. Так ты еще разок выгуляй Тролля утром. Может, даже переночуй у Манфреда, наш маленький капризуля не любит оставаться ночью один. Отец сначала заедет за мной к Роззи, и мы будем

в Берлине дня через два-три. Если отцу понравится домашнее пиво Клауса, это муж Розамунды, не поверишь, но он туда добавляет горсточку базилика, то мы еще немного задержимся. Но почему ты меня не поздравляешь?» «С чем?» – спросила я, потому что понятия не имела, что она имеет в виду. «Ты разве до сих пор не проверила в гугле?» Я решила, что лучше промолчать. «Марта, ты меня искренне удивляешь! Фредди занял второе место! И получил один специальный приз! Только не говори мне, что ты забыла, зачем мы все отправились в Баварию». О Господи. Манфреда наградили. Но я и не сомневалась. Манфред никогда бы не поехал на конкурс, если бы не чувствовал уверенности в себе. «О, – сказала я. – Поздравляю! Я послала смс, наверное, они не дошли. Так что я считала, что уже вас поздравила. Это – здорово!» Я не могу сказать, что боюсь собственную мать или Манфреда, но чаще всего я вру именно им. Из-за того, что мне важно выглядеть в их глазах не такой, какой я есть, забывчивой, а такой же, как они: активной и настойчивой. Хотя перед отцом я тоже актерствую, он не одобрит юриста, который забывает слишком о многих вещах. «Ты превращаешься в разиню. Смотри, студенты будут зубоскальничать. Тренируй память. Как там у тебя?»

Я боялась этого вопроса. Он был таким, на который нужно очень осторожно отвечать, чтобы не взволновать мать известием о деде, пусть это и не ее отец, но и чтобы это не выглядело так, будто я скрываю информацию. «Приходил Олаф,

передал мне кое-какие вещи. Нужно было уладить тут... кое-какие непредвиденные формальности, но я справилась. Вроде бы». Вот так: я превращалась в лгунишку. Из-за умершего деда, Боже милостивый. Все же хорошо, что появился кто-то, на кого можно свалить мое злоупотребление ложью. «Формальности? Ты переписала завещание, или решила обручиться? Тебя хотят уволить? Ты соблазнила студента?» «Нет, мама. Когда вернетесь – я с удовольствием с вами обо всем этом поговорю». «Нам точно не о чем волноваться, Марта? Поклянись». «Точно. Потом поговорим. Отцу – привет, еще и какой». «Передам. А ты, уж, будь добра, отправь поздравительную смс Фредди. Хотя бы. И скажи об этом Эльзе. И Ханне! Все».

Я послушно набрала смс Манфреду. И даже получила ответ в виде восклицательного знака. Ну вот зачем так оперативно отвечать родной сестре, если тебе жаль потратить на нее хотя бы одну букву. Ох. Проехали. Семья. Тете Эльзе я не позвонила, пришлось бы потом всем объяснять, почему я не сообщила ей о смерти отца. Как это по-идиотски звучит. Смерть отца Эльзе. Хорошо еще, что этот дед – не отец мамы, я бы умерла от попытки объяснить ей все это.

Ханне я ничего не сообщала. Ханна – моя подруга. Сейчас она отдыхает в Турции, и, даже невзирая на то, что отдых гармонизирует ее мысли, а легкий бриз и мурлыканье турецких мужчин, словно музыка Моцарта, радуют ей слух, я не думаю, что она даже из вежливости порадовалась бы за

Манфреда. Потому что в свое время Манфред ее бросил. У нее есть специальный лакированный черный ящик, где она хранит его прощальную записку для того, чтобы никогда не забывать, какие во Вселенной живут мерзавцы. А на кресле-качалке, которое Манфред сконструировал и смастерил специально для нее, она налепила шипы и гвозди. Теперь отдышать в кресле могут разве что йоги, для Ханны это кресло является символом того, как любые хорошие и комфортные вещь, человек или чувство со временем могут превратиться в пытку. В этом году Ханна хотела отнести кресло на выставку «Разбитые сердца», но потом решила, что не надо сообщать всему свету о том, какой Манфред негодяй, в то же время создавая ему популярность как художнику. Манфреда Ханна называет «мой персональный Гитлер», поэтому было бы странно, если бы она порадовалась тому, что он выиграл приз. На его день рождения Ханна передала через меня антикварный нож. Дорогой и изящный. «Может, он когда-нибудь надумает покончить с собой, так я буду рада, если он это сделает именно моим ножом», – сказала она мне.

Мать же умеет создавать идеализированный мир, в котором никто никого не бросает, все друг друга любят и умеют расставаться со своими обидами, как итальянцы со старой мебелью под Новый год, ради общечеловеческих ценностей. Если бы мать была в раю в тот момент, когда Ева приобчечала Адама, ей удалось бы все уладить с Богом по-семейному, и неизвестно, кто бы рожал в муках. В мамином мирке

Ханна радуется за Манфреда, а Манфред никогда не бросал Ханну и не называет ее похотливой шлюхой, а она его – похотливым мерзавцем. Впрочем, надо отдать маме должное, сама она ведет себя так, будто ее никто и никогда не обижал, не предавал и не подставлял.

Троль в задумчивости сидел около дедова свертка. Казалось, что он дышит с присвистом. На самом деле это он потихоньку скулил. Посягал на шляпу с прядками. «Троллик, даже не думай, малыш», – предупредила его я. Троль вывернул уши в мою сторону. И покосился карим глазом. Думать о шляпе с аппетитными прядками он не перестал, но сделал вид, что мое мнение его интересует. У собак это превосходно получается. Надо поучиться. Я взяла сверток и спрятала его в шкафу отца. Троль продемонстрировал мне, что такого поведения лично он не одобряет, об этом свидетельствовало выражение его длинноносой докторской мордочки. Таксы похожи на врачей, аптекарей и поверенных. Надо было назвать его Олаф. Или просто – Кох.

Опять мобильный. «Марта, ну и где ты?» Агата. «Привет, дома. Присматриваю за кактусами, Троллем и свертком от твоего мужа». «Он тебе что, притащил хомячков или червячков?» «Нет. Шляпу и бумаги». «Так зачем ты за ними присматриваешь? Они же не расползутся. Олаф сказал, что ты придешь к нам в клуб! Мне интересно, почему я до сих пор тебя здесь не вижу». «Мне надо поговорить с Дерекком». «Вот оно как... с Дерекком. О'кей. Тогда позвоню тебе позже.

Отто сказал, что ты не в лучшей форме. Имей в виду, мы здесь еще долго будем».

Пора было позвонить Дереку. Сколько можно тянуть? Это так глупо, звонить по телефону мужчине, для которого ты наверняка ничего не значишь, и рассказывать о том, что твой погибший дед вчера умер в заведении для слабоумных, оставив семье в наследство шляпу с прядками и записки на псевдоиврите.

Так странно измерять проживание с мужчиной с момента знакомства с ним до расставания. Согласно такому измерению, я живу с Дерекком Ромбергом три года. Я продолжаю с ним и им жить. В отличие от него. Мы познакомились во время научной конференции в Вене, где он в то время жил. А я тогда жила с Оскаром. В Берлине. С Оскаром я состояла в так называемом гостевом браке и львиную долю своих сил тратила на то, чтобы уговорить его не изменять формат наших отношений, он хотел, чтобы я переехала к нему. У него была крючкообразная психология, он постоянно нуждался в крючках, в наживке для этих крючков и в добыче для этих наживок. Я заметила, что такие мужчины выбирают галстуки с узорами в виде ромбов или в вертикальную полоску. В любом случае, они обязательно отдадут предпочтение именно галстукам.

Оскар был блестящим юристом, иначе отец никогда бы не взял его к себе в помощники. Он был ироничным педантом.

Большинство людей поначалу считали, что он представитель нетрадиционной сексуальной ориентации или просто высокомерный тип. Правдой было последнее. Первое, что я вижу, вспоминая Оскара, белизна его рубашек. Они были такими белыми, что если бы кто-то сбросил их на пол и прошелся по ним, они бы скрипели, как снег при легком морозце. Ясно, что никому не приходило в голову поступить так с рубашками Оскара. Кроме меня. Мне это приходило в голову, иногда по нескольку раз на день. Я часто фантазировала на эту тему, но никогда не осмеливалась это проделать. Второе – сверхъестественная белизна его зубов. Под языком они не скрипели, а пальцем я, опять-таки, не осмеливалась придавить. Успешный и целеустремленный Оскар.

С Оскаром нас познакомил отец. Я знала, зачем он нас знакомит. Отец – эстет и визуал, он всегда одевался со вкусом и сочетал в одежде только такие вещи, которые не только ему подходили, но и гармонировали друг с другом. Внешне мы с Оскаром чудесно гармонировали. Как две вертикальные параллельные прямые. Как два парковых дерева, корни которых не переплелись под землей. Две колонны. Как две горизонтальные параллельные прямые мы тоже воспринимались и выглядели неплохо. Но любая перпендикуляризация (как говорит Манфред) была для нас болезненной, непривычной, некомфортной и ненужной. Мы оба об этом знали. Я пыталась относиться к этому философски. Он был красивым и образованным, а еще мне нравилось, как он шутил и

прибирал у меня в доме. Кроме того, мы познакомились тогда, когда я начала думать, что для моего имиджа (да, я думаю о таких вещах), то есть внешней подачи меня как личности, необходимо постоянное присутствие мужчины в моей жизни. Меня беспокоило то, что два года кряду у меня не было постоянного друга. А все мои связи были нечастыми, фактически одноразовыми и не успевали превращаться в отношения. Собственно, даже не это. Я просто устала от поисков кого-то подходящего. И попробовала ужиться с неподходящим.

Оскар боролся за наши чувства. Он отметал неконструктивные мысли о том, что никаких чувств нет. Он решил, что они есть, доводя меня до бешенства каждодневной борьбой за них. Многие говорили, в том числе и Ханна, что Оскар использует меня ради того, чтобы сделать блестящую карьеру. С этим я не могу согласиться. Не потому, что идеализирую Оскара. И не потому, что о таком думать неприятно. А потому, что хорошо знаю своего отца. Конечно, отец хотел устроить раз и навсегда мою супружескую жизнь. Но именно поэтому он никогда не подложил бы мне в кровать свинью в лице невежды, банального карьериста и сволочи.

Все это я вспоминаю для того, чтобы было понятно, почему я так легко сошлась с Дерекком. Когда наши руки соприкоснулись на термосе с кофе и я почувствовала, как меня прошиб пот, Оскар и его эфемерная борьба стали восприниматься мной как кинолента, далекая от моей реальной жизни.

ни. А еще я подумала, что никогда в жизни так не сходила с ума от того, что моя рука встретилась с чьей-то рукой. Чужая рука – не такая уж невидаль, чтобы так бросило в дрожь. А меня лихорадило от предчувствий, что-то квакало в желудке, как всегда, когда я возбуждалась. Когда мы вернулись в конференц-зал, я не могла ни о чем думать, кроме него. Мне даже не нужно было на него смотреть, хотя я его плохо запомнила. Его прикосновение словно оживило мое тело, включило его, сменило батарейки. Замершая женщина, как механизм довольно простой, иногда нуждается в ключике. Маленьком или большом ключике, несколько оборотов, и она завелась, она ожила.

Мы не переспали в тот же день не потому, что я пыталась выглядеть неприступной. Мне бы это не удалось, я очень сильно его хотела. Мы не переспали только потому, что Дерек перепутал номер в гостинице. Он постучал в соседний номер, где остановился профессор Хайдельбергского университета. Несмотря на второй час ночи, профессор двери открыл, появлению Дерека искренне обрадовался, раздобыл стаканы, и они шумели всю ночь, перемежая теологические и теоретические споры с короткими тостами. Дерек избавился от профессора около шести утра, пообещав ему, что если у него родится сын, то он эксперимента ради будет растить малыша в бочке.

Мы могли бы не переспать и на следующий день, потому что я стала безумно волноваться. Думать, что не понрав-

люсь ему как женщина. Начала вспоминать, что мне говорили другие мужчины, домысливать то, о чем они умалчивали, считать, сколько их у меня было, любовников, и достаточно ли это количество для того, чтобы чувствовать себя опытной женщиной и иметь власть над телом мужчины. Дерек о таких вещах никогда не думал. Он или хотел, или нет, все остальное было условностями. Я завидовала этому качеству, пыталась перенять его, но не удавалось.

Год мы встречались наездами. Я всегда буду помнить этот год. Я не знаю, что со мной происходило в течение того года. Я не помню, повышали мне заработную плату или нет, болела я или была здорова, с кем я ссорилась, с кем знакомилась; я не помню, чьи дни рождения я праздновала, были у меня неприятности или приятные события, я просто помню электронное табло «Берлин – Вена», открытки с изображениями Венской оперы с его приписками «арию «Благочестивая Марта» исполняет Дерек Р.». Свою постоянную готовность к овуляции и чувство счастливого волнения. Дерек навещался в Берлин. Я в Вену. Я дарила ему свитера, футболки, медных медвежат и музыкальные диски. Он мне – шарфики, юбки, которые все были мне маловаты, шоколадных моцартов и керамические чашечки.

Я рассказала ему об Оскаре после того, как мы в первый раз занимались любовью. Он на это не отреагировал. Я думала, что он оставил информацию об Оскаре без внимания,

но я ошибалась. Потому что именно к Оскару он обратился, когда решил обосноваться в Берлине, искал квартиру, а потом приобрел баржу. Оскар был прекрасным специалистом по договорному праву. И все юридические действия с недвижимым имуществом были его страстью. Я не могу сказать, что очень обрадовалась известию о том, что Дерек переезжает жить в Берлин, если честно, то я была в растерянности. Так как поняла, что он переезжает не ко мне. И не из-за меня. Ему предложили выгодный научный грант. Он стал искать квартиру, нашел ее, и жил там больше года. Он жил там один, в отличие от Оскара, никогда не приглашая меня съехаться. Все это время мы встречались, я считала его своим любимым, он вроде бы не имел ничего против этого. А потом Дерек купил баржу и уединился на ней. От гранта он отказался, так как не хотел больше заниматься юриспруденцией. Собственно, с баржи все и началось. «Баржа и вода изменили мое сознание». Я сохранила эту смс, она до сих пор находится в архиве моего мобильного телефона. Я ничего не понимала. Ни тогда, ни сейчас. Хотя пытаюсь. Своим баржеванием он дал мне понять, что не видит со мной общего настоящего и будущего.

Сначала он исчезал на месяц. Где-то плавал. Рыбачил. Думал. Иногда присылал мне смс и электронные письма. И никогда не отвечал на мои. То есть он говорил и писал только о том, о чем хотел сам. А не о том, что интересовало меня и о чем хотела услышать я. Потом он начал исчезать на бо-

лее длительные сроки. Дерек не давал о себе знать, и я сходила с ума. Не потому, что я думала, будто с ним что-то случилось, нет. Конечно же, об этом я тоже думала, но чаще я думала о том, что это – всё. Не шутка. Он меня бросает. Я меняла свои маршруты, чтобы обязательно проехать мимо места, где он причаливал. Я теряла килограммы и голову. Каждую неделю я ходила сдавать кровь, думала, чем больше ее отдам, тем быстрее избавлюсь от этого вируса любви. Сдавать кровь мне запретили. И сказали, если еще раз меня там увидят, сообщат в соответствующие психологические и социальные службы.

Может сложиться впечатление, что Дерек устал от размеренной жизни юриста и решил немного пожить природником, то есть человеком, которого кормит только рыба, та, что он вылавливает, жарит или продает. Я очень волновалась. Так как не знала, зачем он так живет. Потом узнала о том, что он живет замечательно, ни в чем привычном себе не отказывая, на проценты от ценных бумаг, а также за счет арендной платы за свою венскую квартиру. Сказала мне об этом его нынешняя девушка, я так долго убеждала себя в том, что она – временное явление, что и сейчас мне трудно поверить в обратное. Ее зовут Наташа Ченски. Она из Кракова. В Берлине живет слишком много иностранцев.

Конечно, вся моя семья была знакома с Дерекком. Он никогда этого не жаждал, впрочем, как и я. Но, учитывая характеры матери, отца и Манфреда, не говоря уже о Тrolле,

избежать этого знакомства было невозможно. Когда я ездила к Дереку в Вену, отец не особенно беспокоился по поводу того, что у меня появилась новая симпатия. Сначала он думал, что я посещаю оперные премьеры, и даже хвастался мною перед друзьями. По мнению отца, это было правильным использованием денег. «Интеллигентным и развивающим». Потом он решил, что я фанатею от творчества Густава Климта. Творчество выдающегося австрийского художника отец, по неизвестным мне причинам, считал лесбийским (возможно, виной тому были названия его картин – «Девушки», «Сафо», «Подруги», их можно было воспринимать не только как косвенное доказательство, но и в определенных случаях – как прямое), но не возражал против того, что Климт – большой и серьезный художник. Вообще к лесбийству мой отец относился снисходительнее, чем к гомосексуализму, поэтому, если бы я оказалась лесбиянкой, он пребывал бы в растерянности несколько дней, но потом пришел бы в себя и даже прижал бы меня к груди, я уверена, а вот если бы вдруг выяснилось, что Манфред – гомосексуалист, тогда отец бы устроил трагический спектакль по всем канонам и, возможно, с чьей-то смертью в финале.

Наконец, когда открытки от Дерекы стали приходить каждую неделю, а сам он начал навещать в Берлин, до отца дошло, что у меня в Вене кто-то есть. Папа вел себя вполне спокойно, хотя я видела, что ему было интересно, кто же он, мой венский избранник. Но я никогда не признавалась в том,

что Дерек – юрист. «Экскурсионная, опереточная любовь» – именно так он определил Дерекка. Он даже не брюзжал из-за того, что я бросила Оскара. Отец уважал мой выбор.

Его спокойствие куда-то улетучилось, когда Дерек прибыл в Берлин и начал обустраиваться. Хотя, нет, не так. Отец пришел в бешенство, когда узнал, что Дерек – юрист. Если бы Дерек был менеджером, или аналитиком, или даже строителем, садовником, или горничной, отец это воспринял бы гораздо спокойнее. «Это ты его сюда привезла, Марта? Университет и в самом деле намерен оплачивать его прихоти? Да кого в Берлине могут интересовать мысли представителя жульнической венской школы права? Абсурд», – выпалил он. У отца было сложное отношение к венским юристам. Об этом знали все из его ближайшего окружения. Отец любил Вену. Он ценил венский вальс, стулья, кофе, булочки и сосиски. Он любил венские балы и оперу. Он увлекался музыкой Штрауса, Шуберта, Моцарта, Бетховена и Гайдна. Несмотря на лесбийство картин Климта, в конце концов, отец уважал и его. Он, наверное, прыгал бы до потолка, если бы я влюбилась в венского кондитера или певца. Но я влюбилась в венского юриста. Это приравнилось к катастрофе.

Когда отец слышал, как кто-то заводил речь о венской юридической школе, он начинал тереть большим пальцем об указательный. А делал он так лишь в состоянии крайнего раздражения. «Венская юридическая школа? – переспрашивал он шепотом. – Это вы что имеете в виду?» Конечно,

в 90 % случаев ему отвечали, что имеют в виду основателя конституционного судопроизводства Ганса Кельзена. После этого отца невозможно было остановить. Он расправлял плечи, потирание пальцами выглядело уж вовсе неприличным, а отец начинал, будто оперную партию, свою речь. Четко по нотам. Где выше, где ниже, где маленькими и заостренными мелкими словами, где растягивая определенные буквы, когда даже согласная приобретала звучание гласной. Это было ужасно и красиво в одно и то же время. Он сообщал, что Кельзен случайно родился в Вене, и это еще не факт, что он вообще там родился, этого будто бы никто не знает наверняка! Никто не доказал. Всех остальных венских юристов, на идеях которых и основывается «вся их неестественная, абсурдная венская юридическая школа», он представлял как извращенцев и приспешников Зигмунда Фрейда, которые объясняют само наличие права исключительно через секс! «Право они поясняют через сексуальные идеи Фрейда – представьте себе! Через сны, а сны – через секс. Так же они поступают с правом! На большее этих недоумков не хватает!» В этом месте у меня всегда начинали краснеть уши. «Лучше бы подались в оперные певцы, колбасники, булочники или мебельщики! Только тогда от них была бы польза мировому сообществу!» На моей памяти все защитники венской юридической школы тут же начинали приводить многочисленные примеры венских ученых-юристов и их свершений и успехов.

Все, кроме Дерека. Дерек на это сказал: «Вам нравятся зингшпили?» «Что такое? В чем дело?» – растерявшись, сердито крикнул отец. Он умеет, растерявшись, сердито кричать. Это – настоящее искусство! «Зингшпиль. Неужели не знаете? Так немцы и австрийцы называют комические оперы. Мне лично нравятся вещички Карла Диттера фон Диттерсдорфа,² самые остроумные и по-детски наивные, на мой взгляд. Будто кто-то щекочет тебе пятки». «Щекочет пятки?» – переспросил отец. «Да-да. Щекочет пятки. Хотите объяснить это с помощью выдающихся идей Фрейда?» – невинно поинтересовался Дерек и нажил себе на всю оставшуюся жизнь врага и зрителя в одном лице.

На Рождество отец получил от Дерека подарок. Это была картина. Настоящая копия «Похищения Европы» Тициана, которую Дерек заказал у настоящих мастеров-копировальщиков Isabella Stewart Gardner Museum, что в Бостоне. Отец имел представление о том, сколько это может стоить, он знал толк в искусстве. Но Дерек не был бы Дерекком, если бы не привнес в картину нечто свое. Вместо лица дивы, олицетворяющей собой Европу, мы увидели портрет Кельзена. На преступном Быке была надпись: «Коварные австрийские колбасники». Река, где все это происходило, конечно же, имела название Дунай, что же еще могло быть? Разве что – Рейн. Водный объединитель Австрии и Германии. А у ан-

² *Карл Диттер фон Диттерсдорф* (1739–1799) – австрийский композитор и скрипач.

гелов, которые кружили вокруг Европы-Кельзена и ничего не могли поделать ввиду своего малолетства и сказочности, были лица отца. Я не знаю, что отец сделал с этой картиной, но в том, что он ее не уничтожил – я уверена. Несмотря ни на что: ни на свои недостатки, ни на достоинства, – отец был тщеславен и не лишен чувства юмора. Кроме того, он знал толк в истинной стоимости вещей.

Глава третья

Мой телефонный звонок был проглочен автоответчиком Дереха. Автоответчик Дереха общался с теми, кто ему звонил, голосом хозяйки квартиры фрау Катарины Фоль. Она сообщила, что ее нет дома, или она кормит голубей на балконе, или слушает Баха, поэтому вас не слышит, и будет рада, если вы оставите для нее сообщение. «Если вы даже ошиблись номером или адресатом – оставляйте свое сообщение, так как я люблю слушать сообщения живых людей и музыку покойников». Так заканчивала она свою запись. Дерек ее обожал, выглядела она как мошенница аристократического происхождения и сушила свои шелковые носки на ногах кукол Барби, которые были разложены вдоль подоконника этими ногами кверху.

Однажды я спросила, чьи это куклы, ее внучек? Катарина сказала, что не знает, с какого перепуга мне это пришло в голову, но ей приятно, что я думаю, что у нее есть внучки. А потом добавила: «Я никогда не решалась завести себе кошку, дорогуша. Что уж говорить о внучках. И кошки, и внучки вороватые, капризничают, портят мебель и обои, разбрасывают повсюду свои волосы, думают об ухажерах, поедают самое вкусненькое. Но кошки, по крайней мере, не просят, чтобы им заплетали косички, рассказывали байки о мужчинах и других сказочных существах, и не трещат без конца о

своих придурковатых подружках. Кроме того, кошки, в отличие от внучек, не будут выжидать, чтобы безраздельно хозяйничать в моей квартире и прибрать к рукам все мои шелковые носки и другие игрушки, когда я отброшу коньки». Катарине Фоль было семьдесят два года, похожа она была на мужчину под пятьдесят, который вырядился, как модель Коко Шанель. На свою прическу она тратила больше, чем на свое месячное пропитание. «Но это будет правдой, если не учитывать ром, мед и кофе, дорогуша!» – комментировала она.

Собственно, Дерек даже не сменил именные медные таблички возле ее двери и на почтовом ящике, вся его корреспонденция и все гости попадали непосредственно к Катарине Фоль, а не к Дереку. Психологически ему так было удобнее. «Иногда мне хочется, чтобы меня звали как-то иначе. Не спорю, что это странное желание, если тебя зовут Катарина Фоль, но и побыть Дерекком Ромбергом какое-то время – интересно». У Катарини был домик под Берлином, где она прекрасно проводила время, когда город ее утомлял, «а также городская квартира одного человека, где я могу фантазировать сколько угодно». Она фактически не обременяла Дерекка своим присутствием. Справедливее будет сказать – не баловала, так как он по ней скучал.

Тролль требовал общения. Он немного посидел около меня с одной стороны и даже одарил коровьим звуком из своего богатого музыкального арсенала. Потом мрачно уселся с

другой. Я не обращала на него внимания, Троль, как классический эгоцентрик, этого не понимал и долго терпеть не собирался. «Так. Сиди пока что здесь. Охраняй сверток, который лежит в шкафу». Троль охранять ничего не умел, он умел крушить и доставать что-нибудь из любого тайника. «И сам ничего не трогай». Шкаф я закрыла на ключ, на всякий случай. И специально оставила ему на кресле несколько разных предметов: маленькое одеяло, которым мама грела ноги, один шерстяной носок странного размера и цвета (не знаю, кому он принадлежал) и карандаш. Когда Троля внаглую, по его мнению, надолго оставляли одного, он развлекал себя тем, что стаскивал все вещи, лежащие в кресле, на кровати, на полках, на пол и укладывался на них.

Посмотрела на себя в зеркало. Ну что ж, если Дерек а в самом деле не будет в квартире, а паче чаяния будет Катарина, за себя мне не будет стыдно. Волосы собраны в низкий хвост, на шее – один из подаренных Дерекком шарфиков, неброский кружевной топ с американским выкатом, легкая бежевая парка, бежевые брюки, мягкие туфли без каблуков. Не королева красоты, но вполне пристойная молодая женщина. «Вкусная», – так бы сказала Ханна.

Двери мне открыл венгр, Дерек нас знакомил, но я никак не могла вспомнить, как его зовут. Поэтому молчала. «Привет, – сказал он. – Вы похожи на кофейное пирожное. Не из круглых, а из других, ну, вы меня понимаете, – продолжил он, но зайти не приглашал. – Что-то принесли?» «Привет.

Принесла, но не вам». «Катарине?» «Дереку». «А он на барже. Теперь здесь я живу, физически, ну, и Катарина». С того места, где я стояла, хорошо была видна гостиная.

Портретов никто так и не снял. Их было три. Не сразу, но мы расшифровали, кто эти мужи, лица которых были за-портретизированы. Катарина Фоль этого не знала. Когда-то в одной бернской лавке она покупала набор старинных открыток и почтовых марок с изображениями голубей, а эти три портрета хозяин лавки уговорил ее забрать в качестве подарка. Катарина ценит подарки. Поэтому она их забрала, привезла в Германию и развесила на стенах своей гостиной.

На мой вопрос, не ее ли это родственники, она ответила: «Нет, это не мои родственники, милочка. Но я подумала вот о чем. Очки, усы и бороды могут превратить человека в универсального родственника для любого. Думаю, что мои родственники вполне могли выглядеть именно так. Иногда мне кажется, что я сама в них превращусь, если регулярно не буду выдергивать волосы над верхней губой и на подбородке». С этим трудно было поспорить. Расшифровать же, кто это, нам помогла Наташа Ченски, когда она впервые оказалась в этой квартире, она сказала, что гостиная очень напоминает ей классную комнату по физике. Это верно указало направление поисков, так мы идентифицировали портреты – это были выдающиеся физики, нобелевские лауреаты, И. Ван дер Ваальс, Г. Липман и Г. Лоренц, похожие друг на друга, как братья.

«Слушай! – Указательный палец венгра работал, как стрелка метронома. – А я тебя знаю! Точно. Ты – бывшая Дерек! Заходи!» Не знаю зачем, но я вошла. «Его, правда, нет, он на барже, вместе с Наташей, ты же в курсе о Наташе?» Конечно. Я была наташеосведомлена. «Дерек уступил мне квартиру. Ну, как уступил. Просто разрешил здесь жить. Я и живу. Хочешь чая с апельсиновым ликером?» Неожиданно для себя я согласилась. Что мне нравится в берлинских иностранцах, так это их гостеприимство. Пусть даже в чужой квартире, не имеет значения.

«У меня умер дед, – сказала я. – Сегодня утром». «Если хочешь, я могу помолиться за него в костеле. Я завтра все равно туда пойду. Ты веришь в Бога?» Вопрос о моей вере в Бога я проигнорировала, я не привыкла обсуждать подобное в таком формате. «Благодарю. Но мне кажется, лучше это делать в синагоге». «Это же церковь для евреев! С какой стати? Тебе виднее, конечно, но это странно. О'кей, не буду молиться. Давай лучше о веселом! Я тебе никого не напоминаю?» Он продемонстрировал мне профиль. Он действительно мне кого-то напоминал.

«Помогу! Вспомни этикетку новой фруктовой колбасы, вспомнила?» Он насвистел мне рекламный мотивчик. И я вспомнила. «Зачем ты уподобился герру Эрнсту Фруктелю? У него мерзкие бакенбарды, да и вообще». «Неправильно делаешь акцент! Это они содрали образ герра Эрнста Фруктеля со вполне реального Штефана Месароша! И они мне за

это заплатят. Чуть позже. Потому что пока что я хочу сделать небольшую операцию, изменить разрез глаз». Штефан Месарош. Точно, так его зовут. Фамилия с венгерского переводится как мясник.

«Слушай, спасибо за чай. Мне нужно найти Дерека». «Если не хочешь соленых палочек с тмином и пива – тогда пока!» Вообще-то мне хотелось остаться здесь, поесть соленых палочек и попить пива, а возможно, и заняться любовью с герром Фруктелем, думаю, что это был неплохой план и мне бы удалось его воплотить в жизнь. Кроме того, в этом было что-то мультяшное, заниматься любовью с героем рекламы фруктовой колбасы, было бы о чем рассказать потомкам, но я упрямо следовала заранее составленному плану. Я шла к Дереку. «Чао».

«Эй! – услышала я. – А это не твой брат победил сегодня в Баварии? Конкурс для архитекторов, или что-то в этом роде. Манфред фон Вайхель?» «Мой. Второе место. Специальный приз». «А это правда, что скоро откроется его выставка? Так передавали по радио его голосом». «Наверное, правда. Даже если на этот раз он соврал, то вообще-то у него бывают выставки».

«Эй, подожди еще немного, у меня есть к тебе важное дело». «Какое?» «Мне необходимо получить именно приглашение на его выставку. Это же не трудно будет организовать?» «Ты специалист, журналист, зачем это тебе?» «Вообще-то я – химик. Ты думала, что я только то и делаю, что ра-

ботаю лицом разных продуктов?» Я так не думала. Я вздохнула. «Слушай, на эти выставки можно приходить без приглашения. Вход – свободный». «Не сомневаюсь, но мне нужно именно приглашение!» «Зачем?» «Чтобы поразить фрау Фоль. Представь. Она открывает свой ящик, а там – белый конверт с тиснением, а лучше – цвета жженого сахара, это более изысканно, на нем указан адрес, мое имя. Она передает мне конверт, но не уходит, а ждет. Ты же знаешь, какая она любопытная. Из конверта к ее ногам выпадает шикарное приглашение на выставку! От интеллигентного человека, победителя конкурсов, знаменитости! И она будет относиться ко мне иначе. Я едва сдерживаюсь, чтобы не броситься на нее, так враждебно она на меня смотрит. Мой отец позволяет себе так смотреть только на русских. Но, согласишься, у него ведь на это есть причины, хоть они и кажутся сомнительными, но они есть. А что такого я сделал фрау Фоль, чтобы она так на меня смотрела? И это после того, что я привез ей несколько баночек с печеным перцем». «Хорошо», – пообещала я. Манфред только обрадуется такой просьбе, а иногда мне бывает просто крайне необходимо к нему подлизаться.

Баржу Дерекa нельзя было назвать красивой, может, это потому, что мне вообще никогда не нравились баржи. Опять я вру. Мне нравились баржи до тех самых пор, пока именно эта баржа... я думаю, что все понятно без лишних объяснений. На самом деле баржа Дерекa похожа на пивную, мне кажется, что ее бывший хозяин был связан с ресторанным

бизнесом, она выглядит как пивная, пережившая не лучшие времена.

Возможно, такое впечатление складывается из-за того, что крыша баржи обтянута тентовым покрытием с рекламой пива Berliner Weisse. Окна никогда не сияли, Дерек принципиально их не мыл, когда-то я вызвала специальную службу по мытью окон, он не разговаривал со мной неделю. Объяснять природу принципа «окнонемытия» он категорически отказывался.

На палубе я увидела антикварный стол, за которым Дерек охотился целый год. Два кованых стула, с виду изящные, но не помню ни одного случая, чтобы они не наградили меня синяками. Стулья были коварными, а я неуклюжей. Отстульные синяки выглядели на теле так, будто меня хорошенько отстегала фамильным медальоном безумная аристократка. Все изысканные вещи и люди не так просты в употреблении, как нам того хотелось бы. Хотя думать о том, что они принадлежат тебе, все же приятно.

А еще я увидела Наташу Ченски. Она пила кофе или чай, с того места, где я сейчас стояла, теребя шарфик на шее, было непонятно, что именно она пьет. Я напоминала себе Тролля Манфреда, только он теребит вещи, когда играет, а я – когда нервничаю. Именно в этом и заключается огромная разница между нами, несмотря на одинаковые действия. Еще у меня значительно длиннее ноги, короче нос и уши, и я не умею их так мастерски выворачивать.

Наташа крутила приемник, наверное, надеялась, что найдет подходящую музыку или новости, и чистила серебряный браслет. Это был браслет, подаренный мною Дереку. Без гравировки, не потому, что я считала любую гравировку банальностью, а потому, что просто не могла сообразить, что именно мне хочется увековечить на браслете.

Еще на столе лежал фотоаппарат. Наташа почти никогда с ним не расставалась. Всякий раз она пыталась заснять меня, но я постоянно заслоняла лицо ладонями. Дерек на это говорил, что я веду себя, как жена обвиняемого в коррупции и замешанного в секс-скандале президента; или как хозяйка борделя, выведенного наконец на чистую воду компетентными органами; как серийная убийца или учительница, которая принуждает детей вместо того, чтобы учиться геометрии, изучать женские половые органы на своем примере.

Наташа Ченски. У нее были длинными: волосы, ноги, руки, ресницы. Травянисто-зеленые глаза, такие зеленые, что я порой удивлялась, почему я не чувствую терпкого запаха луговых трав. Если бы мне пришлось в голову сделать ей подарок, я бы не сомневалась, подбирая туалетную воду. Только травяной запах. Но я никогда ничего не дарила Наташе, хотя несколько раз подумывала об этом. Сейчас она была одета в зеленый топ в турецком стиле со стразовыми шариками на шелковых нитях, я такого никогда не ношу, и джинсы. Босая.

Я считаю, что мою манеру одеваться можно назвать элегантной, собственно, это достигается благодаря простоте

формы и определенным цветам. Вся моя одежда выдержана в прохладных серо-коричневых тонах, еще я позволяю себе беж. Я избегаю чистых и откровенных, вызывающе ярких цветов, даже таких, как белый или черный. Они кажутся мне однозначными. Для человека, которому трудно произнести «да» или «нет», такой выбор цветов вполне естественен, думаю, что мои слова подтвердил бы любой психолог. Редкие и самые яркие цвета в моем гардеробе – грязно-розовый, светло-сиреневый и блекло-зеленый.

В основном, все это аксессуары. Они смотрятся на спокойном фоне большинства моих вещей как красные нитки на запястьях последователей Каббалы. Если бы я была птицей и мною заинтересовался орнитолог, он бы растерялся, постоянно фиксируя на бумаге мой вид. И до скончания века спорил бы с коллегами, к какой же разновидности меня отнести: к воробьям, камышанкам, соловьям или жаворонкам.

Наташа заметила меня и приветливо замахала рукой. Я ей нравилась. Досадно было то, что даже при существующих дереко-обстоятельствах мне очень нравилась Наташа Ченски, если бы я была мужчиной, я бы влюбилась в нее до беспмятства. За меня это сделал Дерек. Лучше бы было, если бы это сделал кто-то другой. Я махнула Наташе в ответ. Скрыться было бы глуповатым поступком. В общем-то, как и этот визит.

Наташа протянула мне руку. «Ты на каблуках? Нет? Хорошо. Я все равно помогу». Она втащила меня на баржу.

Очень сильная девушка. Я подумала, что Дереку приятно заниматься с ней любовью, это немного похоже на борьбу, парням нравятся такие вещи. «Привет!» Она улыбнулась. Я завидую людям, которые могут так улыбаться, без вмешательства собственного подсознания. Как собака. Виляет хвостом, потому что действительно тебе рада, а не потому, что надеется получить от тебя лакомство. Я могу так улыбаться только тем, кого люблю. Хотя Дереку я так не улыбаюсь, когда я его вижу, моя улыбка независимо от моих намерений сигнализирует ему: я страдаю без тебя. Жалкое зрелище. Кому нужны такие улыбки? Они не зажгут и не согреют.

«Привет! Как дела? Выглядишь замечательно... Вообще-то, я к Дереку. Мне позарез нужно с ним поговорить, его нет?» «Он в каюте, проверяет электронную почту. Охотится за креслом Гиммлера. Сейчас выйдет, подожди. Кофе?»

«Я не знала, что Гиммлер был почитателем кресел. И не знала, что Дерек почитатель кресел Гиммлера». «Любое домашнее животное любит кресла», – ответила на это Наташа, пожимая плечами. И взгляд ее при этом стал пренебрежительно-надменным. Я называю ее взгляд «чисто польским».

Мне кажется, что она сейчас отождествила Дерекка с Гиммлером. А еще мне кажется, что любое домашнее животное приятнее Гиммлера. А Дерек, может, и не приятнее домашнего животного (здесь зависит от того, насколько приятно оно), но, безусловно, приятнее Гиммлера. Но моя проблема в том, что я не умею вести пустопорожние разговоры.

Ректор университета, где я преподаю, даже указал это в моей преподавательской характеристике.

«У тебя глаза... я не знаю, как это будет по-немецки, но с тобой все в порядке?» – обращается ко мне Наташа. На самом деле Наташа прекрасно знает немецкий язык и даже редактирует один узкопрофильный журнал. Но каждому из нас необходима защита. Наташа выбирает языковую. Кто я такая, чтобы не уважать ее выбор?

Я не знаю, насколько я могу быть откровенной с Наташей. Нет, я знаю, что с ней я могу быть целиком и полностью откровенной, но меня это бесит. «У меня проблемы с дедом», – говорю я. «Нужна сиделка?» Восточноевропейские девушки очень прагматичные. «Уже, наверное, нет. Вообще-то, он умер», – говорю я. И начинаю выгибать пальцы так, чтобы они коснулись запястья. «Мне очень жаль, – говорит Наташа. – Сколько ему было лет?» Началось. Трудно отвечать на такие вопросы. «Девяносто четыре», – отвечаю я. «О», – говорит Наташа. Я понимаю, что у меня такой вид, будто мой дед умудрился умереть во время своего рождения и я безмерно по нему скорблю.

«Он что-то оставил Дереку в память о себе?» – спрашивает Наташа. «Что?» «Ты сказала, что тебе нужен Дерек, потому что умер твой дед, верно?» У меня нет возражений. «Я подумала, что он оставил что-то антикварное Дереку. Дерек его знал, да?» «Нет, – говорю я. – Даже я его не знала». «Дерека?» На всякий случай проверяет мою и свою адекват-

ность Наташа. «Деда» – отвечаю я. Поскольку она не выглядит очень удивленной, я начинаю объяснять, что считала деда погибшим во время Второй мировой, а о его гражданской смерти узнала одновременно с тем, что он, оказывается, до сегодняшнего дня был жив.

«И где он был все это время?» – интересуется Наташа. Я говорю, что его содержали в специальном заведении и я завтра должна туда поехать. «На кремацию». Наташа смотрит на меня с пониманием. «Он оставил после себя несколько вещей. Библию, хасидскую шляпу, самоучитель иврита, открытку с двумя персиками и записи, которые никто не может расшифровать. Хотя предметно я этим не занималась».

«Это вещи тех, кого он убил?» – спокойно спрашивает Наташа, а я понимаю, что мне это даже в голову не пришло! Господи, но ведь это в самом деле могут быть вещи жертв... «Привет», – услышала я голос Дерика и оглянулась. «Ты уже с креслом Гимmlера?» «Еще нет, но очень скоро оно будет у меня». Дерек тоже босиком, светло-зеленая футболка, наверное, в честь глаз Наташи, джинсы.

Дерек с Наташей действуют слаженно, она привстает, он садится на стул, она присаживается к нему на колени, какие у нее длинные ноги... «У Марты сегодня умер дед», – говорит она ему. «Какой?» «Отец отца», – отвечаю я, я слежу за его рукой, его палец выравнивает изгиб Наташиной талии, тщательно, так турецкие ремонтники готовят к покраске стену...

«А разве он не умер в 43-м?» У Дерика хорошая память.

«Он умер сегодня в сумасшедшем доме», – отвечает Наташа. «В 43-м умер кто-то вместо него. А он оставил им вещи евреев, которых он убил», – добавляет она непосредственно. «Зачем?» – удивляется Дерек. «Чтобы помнили», – нервно отвечает Наташа. «Может, он оставил завещание?» – спрашивает Дерек. Наконец-то он обращается ко мне. «Нет, Олаф ничего о завещании не сообщил. А об этом он упомянул бы в первую очередь. Да и какое завещание, если дед действительно был не в своем уме», – говорю я.

«Я хочу с этим разобраться. У меня голова кругом идет», – продолжаю я. «Марта, зачем теперь тебе это нужно? Что это изменит, что это тебе даст? Умер дед – ну и умер. Тема закрыта, свой род он успел продолжить. И титул передать. В конце концов, настолько ли важно, когда и где он умер? На войне или в сумасшедшем доме – на результат это не влияет. Кстати, а что говорит твой отец?»

«Это может влиять на последствия. И могло бы повлиять на результат, если бы я узнала о его жизни, а не о его смерти. Отца сейчас нет, о деде он знал. Я имею в виду, знал о том, что дед жив и сходит с ума на государственных харчах. Так говорит Олаф. Конечно, я как следует допрошу и отца, и тетку, и мать. В этом можешь не сомневаться».

«Я в тебе никогда и не сомневался. Особенно, в твоей фокстерьерской хватке. А зачем тебе с этим возиться? Я уже сам от себя устал. Но послушай, ну, умер дед. Сошел с ума. Оставил несколько вещей, связанных с еврейством, ну и что

тебе из этого?»

Он доведет меня до бешенства. «Как ты не понимаешь?! Я была на его могиле в Союзе. Мы долго получали разрешение, чтобы поехать туда. Все просто поверить не могли, что нас туда пустят. Я сказала отцу, что буду голодать у посольства Советского Союза, если они не разрешат нам оплакать деда, и впервые в жизни увидела отца таким испуганным. Манфред добавил перца, когда сказал, что поддержит меня, но есть будет и сделает скульптуру из красного картона, такую, что «красные советские советы позеленеют». Но нам разрешили приехать.

Я помню, как отец стоял рядом со мной, в тихой скорби. Мать – тоже. А оказывается, он, а может, и она тоже, знали, что в это самое время его отец спокойно поглощает больничный завтрак в сумасшедшем доме и играет шляпой убитого еврея?»

«Слушай, может, это шляпа не убитого еврея, может, он этого еврея спас. Это шутка. Ведь это все равно не имеет значения». «Это – имеет значение. А вдруг он боролся с фашизмом? Вдруг он защищал евреев, поэтому его упекли в сумасшедший дом, а родственникам сообщили, что он умер. А над ним всю жизнь ставили эксперименты, отчего у него и поехала крыша. Вот о чем я думаю».

«О, Господи, Марта. Ты думаешь, что твой дед был Оскаром Шиндлером? Романтическая чушь. Слушай, прекрати себя терзать, противно слушать. Меня бесит это немец-

кое самобичевание. Мало того, что наш народ был разорван пополам, мало того, что каждое правительство брало на себя ответственность за то, что было сделано совсем другими людьми, мало того, что мы открыли границы всей Восточной Европе и выплатили немислимое количество компенсаций и мертвым, и живым, и не рожденным, а из евреев сделали новый культ нации.

Евреи – современные священные агнцы. Давайте пойдём ещё дальше – будем вместо материнского молока вливать в наших немецких младенцев сыворотку пожизненной вины перед Вселенной за безумного Адольфа. Фашизм – наше общее наследие, разве не так? И не нужно от этого отречься, и не нужно отрубать себе руки. Я думал, что у тебя хватает здравого смысла это понимать».

«Выходит, что не хватает, Дерек. Но что поделаешь, это наследственное. Я поймала тебя на двудушности. Знаешь, о чем я подумала? Ты у нас, значит, не чувствуешь никакой вины, да? Тебя это не касается. Очень похвально. Но скажи мне, дорогой, может ты влюбился в польку и бросил немецкую баронессу именно потому, что чувствуешь гигантскую персональную вину за фашизм? Ты об этом не думал, нет? Вы разговариваете о концлагерях в Польше?»

Наташа вскочила, чтобы уйти, но Дерек крепко прижал ее к себе, держался за ее стройные бедра, как за руль.

Общаться с Дерекком было трудно. У меня болело горло, больно было глотать и дышать, собственная слюна превра-

щалась в яд, который не дарил спасательные паралич, онемение или смерть, а окружал колючим забором мой костер боли.

Дерек был моими гландами, которые мне только что удалили. Может, теперь я буду меньше болеть. Скорее всего, я вообще не буду болеть. Но глотка кровила, слюна была розовой, как перо фламинго, и хотелось плакать, потому что мои «гланды» сидели рядом и пытались влезть в рот другой, очень красивой, девушки. Зачем ей еще одни гланды, зачем ей чужие гланды?

«Наташа, а у тебя гланды есть?» – вырвалось у меня. Наташа помолчала, потом повернулась к Дереку и спросила, что это означает на английском языке, так как она не поняла. Дерек глянул на меня с пылким интересом Фрейда к новому случаю в начале его карьеры, когда клиенты его больше интересовали, чем утомляли.

«Есть», – тем временем вежливо ответила мне Наташа. – Показать? Даже две». Я так и знала. «Я пойду, – сказала я. – Извините». В принципе, я не знала, за что я извинялась, это была привычка, а не искренность. Манфред считал мои постоянные извинения извращением, взращенным хорошим воспитанием. Дерек это знал, поэтому криво улыбнулся. «Давай-давай», – сказал он. «Если тебе нужно будет что-то перевести, я тебе помогу», – сказала Наташа. Поскольку я молчала, она добавила: «Я знаю украинский и русский».

Наташа работала финансовым аналитиком. Кроме того, что она редактировала финансовый альманах на немецком языке, она была ответственным редактором такого же альманаха, который направляли в филиалы компании в Польшу, Украину и Россию.

«Спасибо», – сказала я. Мне вдруг захотелось броситься в воду, но вместо этого я молча сошла на берег.

Позвонила Агата. «Ну что, девчонка? Затянула Дерекка в постель?» Я вздохнула, Агата есть Агата. «Ты собираешься к нам, или нет? Мы по тебе соскучились». Я ужаснулась. По мне соскучились люди, которые празднуют день рождения Карлсона. Мне кажется, это не совсем адекватная среда и я не совсем адекватная. «Сейчас переоденусь и отправлюсь к вам», – ответила я.

Вдруг мне пришло в голову, что я не слишком надежно спрятала вещи деда. Я представила себе, как Тролль добрался до них и уже съел шляпу с пейсами. И превратился в черепаху, потому что шляпа не захотела принимать форму желудка Тролля, а захотела, чтобы сам Тролль принял форму шляпы. Несчастный Тролль, превратившийся в черепаху, чувствует, как его щекочат пейсы, но не может почесаться, так как черепахи чесаться не умеют. «Ты ненормальная», – сказала я себе вслух.

Тролль спал в кресле. Судя по его худосочному тельцу, а вернее по тому, что он не старался спрятаться от меня под

диван, пес ничего не съел. Хотя его худосочность – вещь обманчивая, она не мешает Троллю быть прожорливым. Большинство подруг матери завидуют способности Тролля сметать все съедобное, что ему дают или до чего он может дотянуться сам, и при этом не толстеть.

Он не очень мне обрадовался. Потому что знал, сейчас я не буду с ним гулять и не дам ничего вкусенького. Был прав. «Я иду на вечеринку. День рождения Карлсона, представь себе», – сообщила я Троллю. Он попробовал представить, вывернул свои уши. «Это ведь нужно надеть какой-нибудь костюм», – подумала я. «Господи, этого мне еще не хватало», – произнесла вслух. Тролль робко тявкнул.

Может, одеться Малышом? С моим ростом это будет выглядеть комично. Или его собакой? Надену шапку-ушанку, накроюсь мохнатым пледом и буду лаять для убедительности образа. Или мумией Мамочкой? Ей просто подражать – для этого нужно несколько полотенец и салфеток, и Мамуля будет то, что надо. Нет, для этого у меня кишка тонка.

«Оденусь-ка я Бетан, это меня не обременит, и вполне в моих силах», – решила я. В конце концов надела на себя юбку-плиссе, бежевый джемпер, светло-карамельные балетки; завязала лошадиный хвост, кажется, именно так выглядела Бетан, по мнению Астрид.

Я ожидала, что в клубе будет полно людей, если не с пропеллерами за спиной, то хотя бы в клетчатых комбинезонах и с двухлитровыми банками варенья в руках. И, мягко го-

вора, была очень удивлена, оглядывая гламурно одетую публику, некоторых представителей которой я шокировала своим прилизанным видом. «Я вижу, ты пока не в трауре. Но выглядит это печально», – высказалась в адрес моего наряда незнакомая мне костлявая дама в коричневой комбинации. Судя по тому, что она знала о трауре, она знала и меня.

Кто-то повис на моей руке. Я думала, что это Агата, но ошиблась. На меня смотрела девушка с такими круглыми чертами лица, будто кто-то создал их с помощью циркуля. На ней было роскошное кожаное платье. Я немного подождала, не захочет ли она мне что-то сказать, например, поздороваться, но не дождалась. Ей это явно не было нужно.

«Агата-ааа», – жалобно позвала я. Я не способна стряхивать с себя незнакомых людей, которые нахально вешаются мне на шею. Я конфетти с себя собираю только тогда, когда меня не может видеть тот, кто их на меня насыпал. Лучше – в женском туалете. В отдельной кабинке.

«Привет, а что на тебе было до того, когда ты решила переодеться перед тем, как сюда прийти?» Агата уделяла одежде слишком много внимания. На ней было коктейльное платье в сложных васильково-пурпурных волнах. Короткое, пикантное и модное. Агата сунула мне бокал, там притаился явно безумный напиток, потому что не может быть ничего нормального с таким малиновым цветом. Тем временем Агата шикнула на круглолицую девушку, которая в конце концов отвалилась от меня и упала на пол, как клещ, вволю на-

сосавшийся крови.

«Ну, как ты?» – спросила Агата, мы с ней расположились на низеньком диванчике среди удобных подушек с восточными узорами. Мне, как всем высоким людям с длинными ногами, неудобно на таких диванах. Такое впечатление, что собственные колени сейчас заедут в твои собственные уши. У Агаты тоже длинные ноги, хотя она невысокая – у нее короткая спина, намек на талию, узкие бедра и очень длинные ноги для ее роста.

«Думаю о деде и о том, что отец осмелился мне врать». «Олаф сказал, что ты собираешься потащиться на кремацию, зачем это тебе?» «С ним должен проститься кто-то из родных, а больше никого нет». «У тебя сейчас такое выражение лица, будто тебе удалили матку. А это не матка, а – дед. О котором ты и понятия не имела. Деды, девочка моя, не влияют на репродуктивную функцию женщины и на половую жизнь. Особенно – мертвые, – заметила Агата. Она никогда не строила из себя деликатного чело века. – Почему ты позволяешь себе так на это реагировать? Умер старый и больной человек. Аллилуйя. Мне кажется, что лучше умереть от пули на войне, чем от рака позвоночника. Это естественно – умирать на войне, где же еще умирать? Тебе так не кажется?»

«Агата, я в трауре. И не хочу шутить на эту тему». «Хорошо, давай вернемся к теме траура. У тебя есть подходящее черное платье? Ты же не любишь черный цвет». Как хорошо

людям, которые сводят состояние траура к вопросу выбора соответствующих платьев, правда? «У меня есть платье-футляр, Манфред когда-то подарил, я его ни разу не надела». «Дед будет польщен. Это ж надо. Новое платье ради него! Наконец-то я поняла, для каких мужчин ты готова иметь относительно привлекательный и сексуальный вид. Для мертвых», – хохотнула неугомонная Агата.

«Слушай, давай сменим тему. Я не хочу обсуждать мою сексуальность. Вернемся от смерти к жизни».

«Хорошо, – быстро согласилась Агата. – Как у тебя с сексом?» Я поперхнулась малиновой гадостью, это был неизвестно чем закрашенный, слегка разбавленный водой спирт. «Какая ты впечатлительная, – хмыкнула Агата. – Ну? Отвечай. Я жду».

«Никак. С сексом у меня никак. Ты же знаешь, что Дерек меня бросил». «Дерек? Это тот, о ком я знаю, или другой Дерек, о котором я не знаю?» «А-га-та-аааа». «Если это тот, о котором я знаю, то он тебя давненько бросил. Ты же не хочешь мне сказать, что с тех пор у тебя не было ни одного сексуального контакта?» Я вздыхаю. «Хватит вздыхать. Меня просто бесит твой инфантильный идеализм. Ищешь идеального мужчину?» Я говорю, что с удовольствием бы с таким познакомилась, но не уверена в том, что такой мужчина существует. «Кроме Дерекса», – мысленно добавляю я.

«Девочка, послушай меня. Слушай внимательно, глупышка. Не бывает идеальных мужчин, их физически быть не мо-

жет! Это иллюзия. Никакой мужчина не может понять женщину, кроме разве что гомосексуалистов и онкобольных». «Что ты несешь?» «Нас способны понимать только те из них, кто сознает, что ты ощущаешь, когда кто-то поселяется в тебе, то есть понимают состояние беременности, слабое представление об этом имеют больные раком. Конечно, у них не такое эмоциональное состояние, как у беременных. Не думаю, что они радуются из-за появления опухоли, хотя, согласись, появлению детей они тоже не очень радуются.

Ну, а еще те, кто понимает, каково это, когда кто-то в тебя вторгается, поняла? Такое понимают только геи. Тут важно, что они хорошо знакомы с процессом, место вторжения в данном случае не столь важно. Ты понимаешь, о чем я?» Я закатила глаза. «Долго ты протянешь с геем? Не думаю. А онкобольной вообще не может долго протянуть. С тобой или без тебя».

Агата смутит кого угодно. Уж не говоря обо мне. «Слушай, я пойду домой. Завтра кремация, надо готовиться». «К чему готовиться, девочка? Это ведь не свадьба, а кремация! Кроме того, это же не тебя кремируют!» – возмущенно выкрикивает мне в спину Агата. Я успела поцеловать ее и сбежала домой.

Глава четвертая

Заснуть мне никак не удавалось, и не из-за переизбытка мыслей, а как раз из-за того, что долгое время (хотя, может, и не столь долгое, в тишине и в ночи время легко вводит человека в заблуждение) я не могла уцепиться ни за одну. Ладони становились влажными, влага с их поверхности испарялась в воздух, будто они были не ладонями, а превратились в карпов, которых еще живыми вытащили на берег. Уши горели. Все силы я направила на то, чтобы понять, неужели я действительно ни о чем не думаю?

Мою нервозность чувствовал Троль, который никогда не упускал возможности пристроиться возле меня в кровати, Манфред и Бриг сгоняли его с диванов. Собаки, в отличие от котов, способны зализать тебе ранку, но лечить твою нервную систему и перенимать твои страхи на себя – это уж нет, на такую благотворительность они не готовы. Поэтому пес сделал круг почета рядом с кроватью и устроился в кресле.

Троль спал в кресле в позе эмбриона, в темноте казалось, что пузатое кресло беременно собакой и будто само не может поверить в это. Одно дело – родить хотя бы стул, в крайнем случае – табуретку, но рожать нахальную таксу – это слишком для кресла преклонного возраста из порядочной буржуазной семьи.

Я смотрела на большое прямоугольное пятно на стене. На-

против моего лица. Я знала, что это была черно-белая фотография мамы. Ее сфотографировал, а потом подарил ей фото на юбилей известный мюнхенский фотограф. У меня плохая память на имена фотографов, режиссеров и писателей, но он действительно очень известный. Еще я помню, что он был похож на скворца. И руки его выглядели и двигались, как подрезанные птичьи крылья, будто были созданы для того, чтобы он мог летать, а потом кто-то взял и подрезал их.

Когда мама получила эту увеличенную фотографию в подарок, в этой же изящной рамке, с ней случилась истерика. Этого никто не ожидал, мы с отцом вообще впали в транс, понял ее лишь тщеславный Манфред. Мама не хотела видеть себя на стене собственной квартиры, она хотела видеть себя в разных каталогах, на выставках, на открытках. Она жаждала войти в историю, остаться лицом, которое постоянно будет возникать рядом с его именем. Но художник решил иначе. Думаю, он хотел ей польстить. Или просто хотел ее. Но мать никогда не понимала простых мужских желаний. Я это унаследовала. Зато мать четко понимала, чего хотела она. Но эту ее способность я, к сожалению, не переняла.

Матери не везло с тем, чтобы остаться в истории чистой музой творца. Манфред трижды называл ее именем свои коллекции, и трижды заказчики меняли это название на более коммерческое или более подходящее, на их взгляд. Както в шутку отец предложил посвятить матери одно из судебных решений, но при условии, что она будет одной из сторон.

Мать терпеть не могла адвокатских шуток. Я знаю, что это предложение отца было иллюстрацией того, как маме иногда трудно с ним бывает и что они с отцом люди из разных миров, в то же время подруги матери считали, что ей незаслуженно повезло с мужем.

Я включила ночник. Фотокарточка приобрела желтоватый оттенок. На ней была моя молодая мать, наверное, здесь ей лет тридцать пять. Возможно – чуть меньше, может – больше. Фотографии делают нас призрачными, они воссоздают нас так, как им заблагорассудится.

За спиной у мамы, как мне было известно, находятся три муравейника. Они очень похожи на египетские пирамиды, желтоватый свет ночника вообще превращает мир вокруг мамы в пустыню. Не знаю, что символизируют эти муравейники, если это вообще какой-то символ.

На этой фотографии она улыбается сердцем, хотя Агата считает, что мама улыбается кое-чем, что находится ниже, я в это не верю, потому что вряд ли у мамы такое бы вышло. Попробуйте сами выкинуть нечто подобное, я несколько раз пробовала, ничего не получается, кроме того, что физиономия выглядит сосредоточенной, а это вряд ли является доказательством невыразимого счастья.

Фрау Агнес фон Вайхен касается правой рукой своей пушистой короткой (чуть ниже ушей) прически. Она одета в плащ, я знаю, что он в одном из тех зелено-голубых тонов, которые любят использовать в костелах. Я подумала, что этот

плащ в таких тонах очень бы был к лицу Наташе Ченски.

Я не знаю, есть ли что-то на маме под плащом или нет. Это традиционный дискуссионный вопрос, семейный ребус, миф. Мама ничего не отвечает, но когда ее об этом спрашивают, улыбается точь-в-точь так, как на фотографии. Я не знаю, что ее больше развлекает, то, что кто-то осмеливается думать, что под плащом она голая, или то, что она действительно была голой, или то, что она чувствует себя обнаженной именно сейчас.

Вдруг я вспоминаю, что не проверила свой мобильник, неужели мать мне не звонила? Это на нее было не похоже. Звонила и прислала две смс, в одной она спрашивает, поздравила ли я брата, а в другой возмущается, потому что о месте моего нахождения она узнает от «милой Агаты», а родная дочь игнорирует ее звонки. Каждая ее смс заканчивается одинаково: «Поклянись, что у тебя все в порядке. Я люблю тебя». Еще я вижу MMS, которое прислала мне Ханна. На ней – огромная стойка со всяческими сладостями и сияющее лицо повара. А вот и смс от нее же. «Как ты думаешь, что здесь самое сладкое?» Я смеюсь, Троль поворачивает мордочку в мою сторону. По его мнению, смеяться ночью – преступление. Он громко вздыхает, дескать, это – последнее предупреждение, засыпай, Марта, и снова сворачивается в клубок в кресле. Кресло понимает, что его «детка» живая, так как она шевелится. А я теряю рассудок.

Историю портрета матери я знаю. Историю деда – нет. Де-

да завтра сожгут. Ему девяносто четыре года, я думаю, что на его совести не десяток и даже не сотня сожженных в концентрационных печах тел невинных людей, которые были здоровее и младше него. Хотя какая разница: жечь здоровых и молодых или больных и старых, виновных или безвинных? У Бога что, есть линейка для измерения этих грехов?

В любом случае завтра нас тал черед моего деда. Он успел умереть до того, как его решили сжечь. У тех несчастных такого счастливого шанса не было. Дед лишил их всякой надежды умереть в своей постели, пусть и в сумасшедшем доме, пусть и от рака. Я где-то читала, что евреи не имеют права на кремацию, это связано с их религией, значит, фашисты им это право предоставили. Интересно, что по этому поводу думал мой дед? Возможно, он считал себя благодетелем и рассказывал об этом друзьям. А возможно, потерял рассудок и начал собирать вещи убитых им евреев.

Настало утро, кто-то первым его объявил: мой организм или будильник в мобилке. Нужно было одеваться. Нет, сначала нужно выгулять Тролля, выгуливать его в траурном платье я не смогу. Я из тех людей, на настроение и род деятельности которых влияет одежда. Джинсы, кроссовки, футболка. Тролля не чувствовал моей скорби и растерянности, он жаждал сучьих благоуханий, хотел пожевать каких-то травок (меня привораживала способность животных разбираться в гомеопатии), чтобы не болел желудок, и еще повозиться с оранжевым пуделем. Я решила: если у меня день начинается

ся, фактически, с кремации, то и Тролль должен воздерживаться от удовольствий, и взяла таксу на короткий поводок.

А еще я подумала, если у тебя есть собака, как бы ты ни планировал свой день и какие бы события на тебя ни сваливались, ты все равно начинаешь день с прогулки и кормежки.

Когда мы вернулись, я накормила Тролля и долго размышляла над тем, стоит ли самой поесть или нет. Мне начинало казаться, что кремация, как и ультразвуковое исследование, не располагает человека к завтраку. Завтрак может повредить результатам. Каким? Не знаю. Я выпила крепкий кофе, надела черное платье. Волосы собрала в тугий низкий узел. Я была похожа на овдовевшую служанку-мексиканку. Не хватало только фартука.

Когда я выезжала с паркинга, вдруг поняла, что понятия не имею, где находится дедов сумасшедший дом, какие там правила пропуска автомобилей и как мне найти крематорий. Еще надо было купить цветы или венок, я еще не решила, о прощальной надписи я не подумала.

Но зря я волновалась, отец никогда не ошибался в выборе поверенных, жены, жилья, присяжных и котов, по этому наш поверенный был безупречным, и он мне позвонил. «Марта, доброе утро. Это Олаф Кох. Как я понимаю, ты едешь на кремацию? Хорошо. Ты на своей машине? Хорошо, я заказал пропуск. Ты в курсе, куда ехать? Сейчас объясню, это просто. Я буду ждать на въезде в заведение. Если ты не купила цветы или не заказала венок, я могу этим заняться или

кому-то поручу. Возможно, подойдет букет в цветах флага или вашего фамильного герба?» Но я решила, что цветы я выберу сама. Венок из барвинка и мелких беленьких цветочков-звездочек, названия которых я не знала.

И он действительно ждал. Олаф Кох, поверенный семьи фон Вайхен. Черный льняной костюм, без шляпы, шелковые темно-серые носки, в меру блестящие ботинки. Выражение на лице соответствующее: скорбно-сочувственное. Не знаю, как дед, а я была довольна его видом. «Мы же не опаздываем?» – поинтересовалась я, так как не ношу наручных часов, а доставать мобильный телефон мне показалось неуместным. «Нет, Марта, ты приехала вовремя, здесь недалеко, меньше ста метров». Не удивлюсь, если он преодолел эту дистанцию с секундомером.

Крематорий действительно находился рядом со входом в заведение. Внутри помещение было облицовано плиткой чернильного цвета, обрамление было серебристым. Тонкое, едва заметное серебряное кружево, похожее на паутину. Ничего лишнего. Звучала печальная, но энергетически мощная классическая музыка; на специальном месте стоял гроб с моим дедом. По правую сторону от него – серебристый (металлический) стол с несколькими бокалами из светло-зеленого, салатного стекла, несколько бутылок рейнвейна и на блюде в виде подковы – куски рыбы на шпажках. Интересно, каково это – жевать прикопченную рыбу именно тогда, когда будут коптить деда. Извращенная режиссура. Вообще, если

бы не покойник, все это напоминало бы прием в филармонии: классическая музыка, безупречно подобранные напитки и закуска, изысканно и подобающе одетые люди, камин. Ничего лишнего. Кроме покойника. Приходить в филармонию с покойником – это уж слишком, хватит того, что глаза давно умерших композиторов наблюдают за вами с офортов на стенах, а кроме того, звучит музыка этих же покойников.

«Вагнер?» – между прочим уточнила я у Олафа, так как подозревала, что музыку выбирал именно он. Я рассматривала людей, которые находились в зале. Никак не могла собраться с духом и приблизиться к деду. Кроме меня, Олафа, ну и деда здесь было несколько человек. Прилизанный мужчина в черном, похожий на конферансье в концертах органной музыки, если бы Моцарт увидел его во сне, он тут же принялся бы писать Реквием. Симпатичный мужчина в сером дорогом костюме, он был похож на представителя государственных органов, лицо его, между тем, показалось мне знакомым. Женщину средних лет, которая внимательно рассматривала меня, как придирчивый член жюри на выставке собак, я раньше никогда не видела. Еще немного, и я бы послушно продемонстрировала ей свои зубы, уши и телосложение.

«Марта, ты совсем не разбираешься в классической музыке?» – услышала я Олафа. Я не ожидала от него таких прямых вопросов. «В похоронной – не очень», – поспешила соврать я, классическую музыку я не знала, впрочем, совре-

менную тоже, но мне не хотелось признаваться в этом Олафу, кроме того, врать ему мне нравилось. Олаф был вежливым человеком и по обыкновению воздерживался от выставления напоказ невежества своих клиентов. Впрочем, похоронную музыку я ненавидела, помню, как отказала в месте помощника одному талантливому юристу потому, что во время собеседования его мобильный телефон приобщился к нашему разговору общеизвестной мелодией Шопена.

«Ты ошиблась, это не Вагнер. Это первая часть Пятой симфонии Малера, если вслушаться, сразу поймешь, что это – настоящий военный марш. Мне показалось это уместным, жаль, что я не мог проконсультироваться с твоим отцом». «Может, лучше было бы запустить что-то еврейское? Кстати, вы же всегда в курсе всех дел, кто эти люди, и где раввин?»

«Раввин?» «Да». «Мы решили, что это лишнее. Не нужно потакать сумасбродству, измученная болезнями душа барона, готовящаяся отправиться на небеса, имеет право на отдых и однозначность. Никакого искусственного еврейства, никаких волнений. И конечно, никаких раввинов. В свое время к барону приходил отец Ральф, диалога у них не получилось, но это не из-за отца, а из-за твоего деда, он хотел диалога исключительно на своих условиях, а отец Ральф такое отношение мог стерпеть только от Папы».

Я улыбнулась, Олаф сделал вид, что не заметил этого. «А Папа – только от Бога, и то этот факт не доказан», – не удержалась я от комментария. Но чему-чему, а мастерскому

игнорированию неудобных вопросов учат всех юристов. А герр Кох был отличником.

«Теперь о людях, которые здесь присутствуют. Как ты поняла, это – герр Теодор, он директор этого... эээ». «Крематория?» – решила помочь ему я. «В определенном смысле. Второй мужчина – из Министерства юстиции, его звать Клаус Рерихт, ты должна понимать, что его присутствие здесь обусловлено его должностью и эээ... военным прошлым господина барона. А женщина – лечащая медсестра барона, фрау Тереза, она неотлучно находилась при герре Вайхене в последние месяцы его жизни».

Клаус Рерихт. Он точно мне был знаком. Когда узнаёшь не только лицо, но и имя человека, это свидетельствует о том, что ты уже наверняка его где-то видел. Мне показалось, что и герр Рерихт узнает меня, и я решила поздороваться, но Теодор лишил меня этой возможности. Началась церемония прощания.

Дед оказался очень похожим на папу, я вздрогнула, будто увидела в гробу отца. Похудевшего, старого, измученного болезнями отца. Когда я приблизилась, чтобы поцеловать его (я решила, будь что будет, но я его поцелую в лоб), заметила, что на деде были разные ботинки. Они были совсем разные. Отличались друг от друга не только цветом (правый ботинок был черный, левый – бежевый с выдавленным синусоидным узором, который окутывал носок, будто кто-то старался набросить на него лассо), но и формой, качеством

и длиной шнурков. «Что это такое? Вы вообще видели его обувь?» Я собиралась спросить об этом шепотом у Олафа, но меня услышали все.

«Господин барон не любил одинаковых вещей, они усиливали его беспокойство, он очень нервничал, когда видел что-то одинаковое», – объяснила мне медсестра Тереза. Она была права, по крайней мере, отправляться в печь в одинаковых вещах мой дед не собирался. Носки были разными. Пуговицы тоже.

Преимущество кремации заключается в том, что не успеешь ты вцепиться в человека, как его поглощает пламя. И если я видела людей, которых невозможно было оторвать от гроба, уже опускаемого в могилу, то увидеть людей, которые бы вместе с гробом лезли в печь, мне не приходилось. Ты успеваешь только подумать о том, что на нем непарные ботинки, пуговицы и носки. А еще успеваешь узнать о том, что парные вещи его бесили, как пламя уже слизывает черты того, кто все время был для тебя мертвым, незнакомым и далеким.

«Все позади, дорогая», – сказал Олаф и обнял меня, не прикасаясь. Где этому учат? «Мне нехорошо», – честно сказала я ему, заметив, как вроде бы знакомый мне Клаус Рерихт, присутствующий здесь по делам службы, потянулся за салатным бокалом и куском рыбы.

«Я теперь поняла, кого он рисовал», – услышала я кого-то снизу. Это была фрау Тереза. «Извините?» «Ваш дед

постоянно рисовал одно и то же лицо». Я молчала, поэтому она продолжила: «Я думала, что он рисует себя в молодости. Правда, эти колечки в ушах меня смущали, не мог он носить колечек, не такие были времена. Но теперь понимаю, что он рисовал вас. С подобранными волосами или короткой прической, не очень понятно, хотя рисовал он неплохо. Во всяком случае, как по мне». «Этого не может быть, – сказала я. – Он никогда меня не видел. И у меня не было коротких причесок». «Возможно, ваш отец показал ему ваше фото. Или герр Кох, – настаивала она. – Так или иначе, но у меня есть три ваших портрета и еще кое-что, что нарисовал ваш дед. Хотите посмотреть?» Я очень хотела посмотреть, поэтому мы договорились, что встретимся послезавтра, когда фрау Тереза будет выходная.

«Рисовал он очень и очень неплохо, хотя мир не ценит понятных рисунков. Это из-за того, что в художественные критики идут извращенцы. Вы видели работы Макса Эрнста?» Я видела. «А я долго их не видела. Я вообще не знала о его существовании, у меня были другие приоритеты. И другие знакомства. Но у меня был поклонник, вот он как раз и работал художественным критиком в журнале. Он сказал, что я – вылитая «Молодая химера» Эрнста, можете себе вообразить, как мне это польстило. Бог мой, я чуть до потолка не прыгала. Я – и на полотне выдающегося художника! Гордилась я собой долго, пока не увидела, что это из себя представляет». Я старалась припомнить, как выглядит химера. «Ви-

жу, вы не можете припомнить. Слава Богу, еще приснится! Эта химера выглядит, как химическая колба или запаянная в нескольких местах стеклянная труба в короткой юбочке». Я силилась представить себе это. Тереза перешла на шепот. «Вы знаете, я не сторонница фашистской идеологии, но в одном я с ними согласна. Это дегенеративное искусство! А тот, кто думает иначе, просто никогда не представлял себе, что его могут изобразить, как колбу в короткой юбочке».

«Вы выбрали очень изысканный букет, фрейлейн Вайхен, бело-голубой», – услышала я тихий-тихий голос. Так говорят тяжелобольные люди, а еще, наверное, директора крематориев. Потому что я увидела рядом с собой Теодора. «Он очень к лицу барону. Барвинок – голубизна его глаз, гипсофила – его седина, у вас безупречный вкус». Так вот как называется эта беленькая цветущая мелкотня. Гипсофила! Это ж надо: маленькая, белая, нежная, а имеет такое название. Как сексуальный извращенец. Гипсофил – человек, который насилует загипсованных калек. Что только не лезет в голову. Я посмотрела на Теодора и решила, что ему сложно общаться с родственниками тех, кого он сжигает в своем заведении. Действительно, о чем можно говорить? О своих гипсофильных ассоциациях рассказывать не хотелось. «Фрау Тереза не очень вас заговорила? Наши медсестры привыкли постоянно разговаривать, обычно их пациентам не с кем поговорить, кроме них». Он грустно улыбнулся. Я сказала, что мы с фрау Терезой обсудили немецкое авангардное искусство. Конеч-

но, после этих слов он на меня вытаращился настолько, насколько ему позволяли его воспитание, должность и уровень сдержанности.

Отчетливо запахло рыбой, возле нас появился Клаус Рерихт, он предложил мне бокал вина. Механически взяв напиток, я подумала, что никогда не выпивала во время кремационных процедур. «Герр Кох сказал мне, что вы меня якобы узнали», – обратился он ко мне. «Мне кажется, что мы с вами вместе учились». «Вы правы. Только я старше вас на три курса. Вы сейчас преподаете в университете?» «Да». «А я работаю в Министерстве юстиции. Х-ммм. Хорошее вино! Вам принести еще?» Я отказалась.

«Герр Рерихт, я могу попросить вас о встрече на будущей неделе?» «Марта, вы можете звать меня Клаусом, в конце концов, мы учились вместе». «Хорошо, Клаус». «Я вам приглянулся, или вы хотите поговорить о чем-то другом?» Версия относительно того, что он мне мог понравиться, слегка выдернула меня из реальности. Я глотнула вина. И закашлялась.

«Я хотела поговорить о деде. У вас есть его досье? Так уж вышло, что я почти ничего о нем не знаю. И не думаю, что мой отец знает намного больше». «Мы тоже не многое знаем, хотя досье на господина барона у нас есть. Но говорить вам нужно не со мной, а с Дорой Тотер. Она руководитель нашего департамента. Ты помнишь Дору?» Неожиданно он перешел на «ты». Так часто бывает, когда погружаешься в

студенческие воспоминания.

Дору Тотер я помнила, потому что всегда во время учебы попадаются такие девушки, не заметить которых не могут даже другие девушки. Что касается мужчин, то они сходят по ним с ума. Дора Тотер была красивая и статичная, как кукла. Она шла так, будто ее несли в праздничной коробке. Ее белокурые локоны были всегда безупречно завиты, она носила розовые, светло-зеленые и голубые платья, а когда уж надевала белое, то ее поздравляли с замужеством и дарили цветы. Дора Тотер не пренебрегала мужским вниманием, но никогда не была распутницей, у нее были принципы. Уж не знаю, какие именно, но точно были, у меня талант отличать принципиальных людей от непринципиальных. Она хорошо училась, но никто не думал, что она увлечена профессией, хорошая учеба Доры вызывала меньшее удивление, чем ее безупречные локоны. Многие хорошо учились, но таких локонов не было ни у кого.

Впрочем, я никогда и предположить не могла, что Дора Тотер будет работать по специальности, а тем более, возглавлять департамент военных преступлений в Министерстве юстиции. Это выпадало из моего мировосприятия и, наверное, приближалось к мировосприятию Макса Эрнста, где химические колбы щеголяют в коротких юбках, вместо лиц у людей появляются зеркальца, свиные головы, пирамиды и печные трубы, а вместо половых органов – сложные механизмы. Иногда мне кажется, что художники-авангардисты

на самом деле обычные реалисты, но натуралистичность того, что они изображают, настолько шокирует людей, что они выдумывают им новые амплуа. Все считали, что Дора Тотер непременно выйдет замуж за кого-то выдающегося и будет дома воспитывать своих красивых детей с безупречными кудряшками.

Пока я вспоминала Дору, Клаус очередной раз сбежал за вином. «Сбежал» – преувеличение, он пересек зал меньше, чем за минуту, на месте осушил бокал, взял другой; обратный путь его занял втрое больше времени. Еще немного, и он опьянеет. «Так моим дедом занимается красотка Дора?» «Она пренебрегла мной. Сказала, что не намерена выходить замуж. Но сейчас она замужем». Клаус смотрел на меня с возрастающим подозрением. Будто я была в том виновата. «Не надо так смотреть на меня. Я не ее муж». Я позволила себе хихикнуть. Он не разделял моего веселья. А я не знала, нужно ли мне выражать свое сочувствие. По сценарию сегодня должны были сочувствовать мне.

«Я – привлекательный мужчина!» – услышала я от Клауса. Это утверждение услышали также Отто и Теодор, они смотрели в нашу сторону. «Я – счастливчик! Я всегда мечтал о том, чтобы подчиняться ей, но плохо растолковал Богу, что я имею в виду. Поэтому он сделал ее моей начальницей, а не любовницей». Клаус говорил все громче. Я сказала ему, что Бог вообще не одобряет любовниц. У Клауса началась икота. Мне показалось, что сейчас его вырвет на блестящий пол.

Так показалось не только мне, неизвестно откуда материализовался мужчина в черном костюме, который вывел Клауса на воздух. Там его ожидало такси.

«Постойте, мне обязательно нужно взять у него визитку!» – встrepенулась я. «Фрейлейн Вайхен, когда чиновник видит однокашников, он думает, что пора напиваться и поднимать шум. Всем время от времени хочется вернуться в юность, какой бы бестолковой она ни была. Смерть усиливает эти чувства, так же как и встреча с тем, кого знал в юности. А уж если совпадают два фактора... Простите его, у него нервная работа», – мягко сказал мне Теодор, придерживая меня за локоть. «И его не любит Дора Тотер. А она ему очень нужна. Как любовница. Кстати, мне она тоже нужна. Только в другом качестве». «На все воля Божья». «Это правда. Но мне необходима его визитка», – заметила я. «Мы выудим его координаты из нашего компьютера, или вы сможете найти координаты фрау Доры Тотер на правительственном портале, пока что членов правительства не засекречивают».

Глава пятая

«Марта, ты уже собралась домой?» Рядом со мной возник Олаф Кох, я подумала, что он реальный конкурент Копперфильда. «Собираюсь». «Ты пила?» Я задумалась и не могла припомнить пила я или нет. Сделала ладони лодочкой, всунула туда нос идохнула, чтобы проверить. Пила. «Ты можешь оставить машину здесь, не беспокойся, за ней присмотрят». Это уж вне всяких сомнений. Если они умеют присматривать за обезумевшими нацистами, которые перевоплотились в евреев, с моей законопослушной машиной они легко управятся. «Тебе вызвать такси?» Так странно, но когда меня опекают, мне начинает казаться, что я превратилась в инвалида. «Нет, спасибо, я сама. Пока, Олаф». «Держись, Марта. Пусть отец свяжется со мной, нужно обсудить ряд вопросов». Такси я вызвала по мобилке.

Я приготовилась назвать таксисту свой адрес, но вдруг решила отправиться в Scheunenviertel, а именно – к Новой синагоге. Что я там буду делать, я понятия не имела. Я продолжала чувствовать себя неловко из-за своего траурного одеяния. Черные платья годятся для вечера, незачем расхаживать в них днем. Моя мать всегда надевает черное, когда знает или допускает, что ей придется фотографироваться. Она считает, что только черный позволяет лицу и фигуре выглядеть выразительнее. Может, мне следует отправиться в фо-

тоателе и проверить мамину теорию на себе? Теперь я себе напоминала не овдовевшую служанку-мексиканку, а работника посольства какой-нибудь мусульманской страны, хотелось говорить на арабском, несмотря на то, что я его не знала. Ведь незнание иврита не мешало моему деду общаться на нем и писать.

Манфред рассказывал, что Новая синагога была чуть ли не первым зданием, где использовались железные конструкции. Я смотрела на ее терракотово-кирпичный облик и не видела никаких железок. Хотя в теле у отца тоже есть железки. Остались в сломанной руке, он не хотел оперироваться и вытаскивать их. Если об этом не знаешь, никогда не догадаешься. Я подумала, что у отца и Новой синагоги есть кое-что общее.

На газоне неподалеку Новой синагоги я увидела невидимку, который лежал на травке, одетый лишь в черные брючки. Он лежал, раскинув ноги, и, наверное, смотрел на облака. Захотелось превратиться в нечто подобное и улечься рядом в своем черном платье.

Иногда полезно, чтобы что-то тебя поглотило, синагога поглощает, невинная и компактная снаружи, внутри она огромна. Здесь легко можно потеряться, хотя все упорядочено и понятно. Я не знала, как молятся евреям, и не решалась спросить, хотя уверена, мне бы охотно объяснили. Я просто сидела и думала о деду. Отец всегда считал, что «нормальный человек скорее станет психом, чем психиатром. Луч-

ше уж выдумывать сексуально-извращенную ерунду всякий раз, когда кто-то рядом произносит, например, слово «кле-матис», чем самому его произносить и при этом хищно наблюдать за реакцией людей на название этого цветка». Выбором деда он должен быть доволен.

Я полезла в сумку за телефоном, чтобы поставить его на беззвучный режим, и тут раздался звонок. Какое-то время я смотрела на этот номер, чтобы в который раз убедиться, что его не забыла. Это был номер Наташи Ченски. Я не запоминала его в телефоне, когда она звонила, на экране не высвечивалось – Наташа Ч., только цифры. Определенная комбинация цифр, и я знала, кому они принадлежат. Точно так же астроном помнит все комбинации звезд, эти цифры были созвездием по имени Наташа Ченски. Я не заносила ее телефон в память мобилки умышленно, потому что считала: в тот день, когда я не вспомню, чей это номер, я смогу получить удовольствие от жизни и без Дерека.

«Привет, как ты?» Я рассказала о кремации. «Ну, по крайней мере, это длилось недолго», – отреагировала Наташа. «Его кремировали в разных ботинках и разных носках. Как клоуна в сценическом костюме, – сообщила я. – Там был мой сокурсник. Он нализался поминальным вином». «Ну, хоть кому-то там было весело». Наташа умеет подбавить оптимизма. «Я, собственно, звоню тебе, потому что вспомнила о Франце. Ты понимаешь, о ком идет речь?» Я вспомнила. Франц был другом Дерека. Красивый журналист, кото-

рый писал патриотические стихи и вел историческую колонку в одном из еженедельников. Он был красив чрезвычайно, большинство людей это безоговорочно признавало. Манфред тоже его знал, и после того, как Франц без надлежащего уважения отозвался о его проекте мемориального комплекса («Фундамент памятника, созданный Манфредом фон Вайхелем, напоминает мне малахитовую шкатулку со странным земноводноподобным орнаментом, когда на это смотришь – начинает казаться, что вот-вот оттуда выпрыгнут веселые ящерицы и забросают всех жертвенными хвостами»), сказал, что не понимает, зачем мужчине, столь красивому, как Франц, выставлять напоказ свое невежество лишь потому, что ему, видите ли, взбрело в голову, что у него есть журналистские способности. «Лучше бы рекламировал трусы, чем разглагольствовать об искусстве».

«Да, я помню Франца. Он как-то зацепил Манфреда. Манфред тогда в нескольких экземплярах того номера еженедельника приписал к его фамилии через дефис какое-то глумливое словцо. Он продолжил бы дописывать, если бы его не побил аптекарь. Еще я помню песню о Дунае, которую написал Франц. «Течет река среди стран – могущественный, благодатный джин». Манфред говорит, что это песня пропойцы». Наташа засмеялась. «Я не читала его стихов. Но колонка мне нравится. Кроме того, у него много связей с людьми, занимающимися военными расследованиями. Он может помочь. Возьмешь его мейл?»

Мейл я записала в блокнот. И подумала, что мне стоит завести отдельный блокнот, посвященный деду. Нелепо помещать деда среди моих преподавательских дел, расписаний занятий, тем и координат центра по пилатесу.

Каждый раз, когда я общалась с Наташей по телефону, ни она, ни я даже не упоминали о Дерекке, хотя он был единственным, что нас связывало. «Я знаю, что такое потерять покой из-за деда, – сказала Наташа. – Моего обвиняли в пособничестве немцам. А я решила доказать, что они ошибаются, эти грязные обвинения не касаются моего деда. И доказала». Я ее поблагодарила, Наташа попросила, чтобы я держала ее в курсе дел. Я пообещала.

На часах почти четыре, пора выгуливать Тролля. Я о нем чуть не забыла. Наши считали, что Тролля разбаловала Бриг. Поскольку она не работает, детей у нее нет, к домашним делам она равнодушна, а выставки, спектакли и показы мод чаще всего бывают по вечерам, она приучила Тролля выгуливаться по нескольку раз на день. Он был бы оболтусом, если бы отказывался. А оболтусом Тролля не был. Бриг каждый день гуляла с несколькими молодыми мамочками с колясками и всякий раз радовалась тому, что у нее – собачка, а не ребенок. «Тролля на меня не срыгивает и не писает, и между ягодицами ему протирать не нужно», – как-то она сообщила нам об этих преимуществах Тролля. «И сиськи твои он не сосет, и на памперсы тратиться не надо», – тихо пробурчал Манфред, так, чтобы она его не услышала. На

месте Манфреда, если он действительно хочет наследника, я бы попросила ее меньше с ними общаться.

Я вышла из синагоги, снова зазвонил телефон. Манфред! «Привет, ты вернулся?» «Да! И забрал Тролля. Я так и знал, что ты оставишь его у родителей. Ты где?» «В синагоге». Манфред молчал. «Готовишь курс еврейского права или что-то в этом роде?» – высказал он наконец предположение. «Не совсем. Нам нужно поговорить. Можешь приехать к родителям?» «Не могу. Ты, наверное, забыла, что мы живем в Берлине? Знаешь, сколько пробок сейчас на этом направлении? Давай к нам. Кроме того, ты же тут неподалеку».

Конечно, они на меня вытарацились. Это из-за платья. Невероятный эффект, надо надевать его на свидание. На меня вытарацился даже Тролля. Не понимаю, зачем вообще этому псу лапы, он мог бы передвигаться, как змея. «Господи, Марта, извини, – первым пришел в себя Манфред. – Кто-то умер на кафедре? А я еще подшучивал и Бриг развлекал шутками о тебе и синагоге, извини. Но ты бы могла объяснить!» Манфред не способен долго извиняться, лучше ему удастся нападение.

Я молча прошла в гостиную, Тролля держался строго позади меня, как ребенок, несущий шлейф невесты. Мебель в квартире Манфреда авторская. Диван напоминает скалы, гостиная выполнена в голубых тонах, по обоям парят чайки, на стену проецируется старинный испанский корабль, который постоянно перемещается; занавески напоминают океанские

волны. Все это должно успокаивать, во всяком случае, тех из нас, кто умеет плавать. Думаю, что гостиная посвящена Бригитте, в какой-то мере, она – бригантина.

Под диваном валялся скомканный архитектурный журнал, последний номер. С обложки мне лыбился неизвестный чернявый мужик, в сериалах такие играют коварных повес, которые метят на чужие денежки и чужих невест, и мамыши у них не менее коварные. «Тьфу», – выдал Манфред. «Ты чего это?» – поинтересовалась я. Бриг куда-то уплыла, пошла, наверное, в кубрик заваривать кофе.

«Узнала?» – Манфред пнул «сериального злодея» ногой в физиономию. «Нет», – сказала я, подняв беднягу с пола. С правой стороны было написано: «Манфред фон Вайхен: жизнь в барельефах». «О, да тут о тебе!» – обрадовалась я. «Тьфу, – Манфред был не в настроении. – Да. Тут о моей победе. Маленькое интервью, мне бы было стыдно такое брать. Складывается впечатление, что они готовятся к общению с попугаями, а не с образованными людьми». Помню, как однажды, когда он поссорился с Бриг из-за ее матери, а вышеупомянутый Франц назвал спроектированный им центр современного искусства «безголовым и сутулым импотентом, который, собственно, находится в гармонии с современным искусством, которое тоже давно не поднимало головку», Манфред заявил (выдал), что одна половина людей, у которых есть потребность портить жизнь другим, идет в тещи, а другая – в журналисты. Лично мне этот диковин-

ное здание напоминало голову павлина с короноподобным хохолком и клювом, но, честно говоря, на фигуру безголового мужчины с опущенным фаллосом это тоже было похоже.

«Это Грюнвальд Штросс. Архитектурное посмешище. И снова я под ним, как это противно». «Ну, это же не буквально», – хмыкнула я. Манфред вздрогнул. «Я не хочу терпеть от тебя такие шутки! Сама подкладывайся под него буквально! Он умудрился испоганить мой триумф. Выиграл я. Он к этому конкурсу не имел никакого отношения. И что я вижу на обложке? Эту наглую рожу».

Бриг принесла кофе. «Показать тебе свадебные фотографии?» – поинтересовалась она. Очевидно, Грюнвальд Штросс ее совсем не волновал. «А внутри они дали огромное интервью с этой бездарью. Кому нужны твои свадебные фотки, Бриг? Они же каждый раз одинаковые!» – никак не мог уговориться Манфред. Бриг едва повела бровями.

«Я бы хотела, чтобы вы присели». Они расположились таким образом, что было заметно – до моего визита они успели поссориться и теперь сидели на расстоянии друг от друга. Бриг в кресле-маяке. А Манфред спикировал ко мне, на скалу. «Даже не знаю, с чего начать. Вчера ко мне пришел Олаф». «Кто-то оставил нам наследство?» Манфред хохотнул. «Представь себе». Тут он мне помог. «Кто?» «Отец отца». «Он сбросил награбленные сокровища русских царей на парашюте, а сейчас кто-то добропорядочный это нашел и хочет отдать нам, чтобы мы это торжественно передали рус-

скому посольству?» «Не совсем. Он позавчера умер в сумасшедшем доме, здесь, в Берлине, и оставил нам хасидскую шляпу, Библию, самоучитель иврита, бело-голубую папку и несколько рисунков». Я понимала, что Манфред не начнет прыгать от радости, да и сознание вряд ли потеряет. Но не ожидала, что он будет спокойно хлебать кофе и смотреть на меня в ожидании продолжения этой увлекательной истории. О, я знала этот взгляд с детства. Отец уже уповал на то, что мы сейчас уснем и не нужно будет нам читать новую сказку, и тут Манфред открывал блестящие глазки и требовал продолжения.

«Сегодня я была на его кремации. Видела его в гробу. Странно одетого В разных ботинках, разных носках и с разными пуговицами!» Возможно, это его расшевелит. «А почему нам никто не сказал?» Манфред потянулся за мафином с изюмом. Это уж слишком. «А почему это ты такой спокойный? Ты что-то знал?» «Прекрати на меня так смотреть! – возмутился мой брат. – Ничего я не знал. О чем я должен был знать?» «О деде». «О деде я ничего не знал. Правда, читал как-то у тетки одно дедово письмо. Из Украины. И все». «Тогда почему ты так спокоен?» «А что мне, плакать? Ты вытаскиваешь откуда-то деда, рассказываешь о его еврейском фетишизме, что мне, по-твоему, нужно делать? Терять рассудок?» «Потерять рассудок ты еще успеешь, дед насчет этого постарался, сколько ни сопротивляйся, все равно гены возьмут свое».

«Тебе надо успокоиться, правда, Бриг?» Бригитта кивнула. Она прижала чашку с кофе к правому глазу, как будто вложила в нее глаз, наверное, грела его. Не стоит в такой позе кивать головой. Горячий кофе попал ей в глаз, она взвыла. «О Господи, Бриг!» – Манфред побежал за платочком. «Мммм... арта, – запиналась Бригитта, – что все это означает?» «Не знаю», – честно сказала я, едва сдерживая Тrolля, который бросился на защиту мамы-Бриг от злого кофе, и, чтобы он не добавил ей хлопот, я перехватила его.

«Марта, успокойся. Я думаю, отец нам все объяснит». «Посмотрела бы я на тебя, если бы тебе вывалили все это дедово имущество, особенно шляпу с прядками, а потом бы ты еще должен был идти на кремацию. Я не могу спать. И думать о чем-то другом тоже не могу, понимаешь?» «Мне это тоже не очень нравится». «Представь себе, отец обо всем знал. Но зачем-то устроил фарс, потащил нас, детишек, маму на могилу неизвестно кого, и еще, помнишь, взял горсть земли для тети Эльзе. Выбивал разрешение от СССР, в лепешку разбился, унижался, выстаивал очереди, проходил собеседования. Юриста цинизмом не удивишь, но, как по мне, он перегнул палку».

«Обожгла все-таки, – сообщила Бриг, она терла глаз. – Мне так жаль, Марта. Очень жаль». «Хоть ты не бери в голову! И не скули», – прикрикнул на нее брат. «Ну, как же мне не брать в голову? Это же ваш дедушка. Он умер, а вы даже ничего о нем не знаете, не общались, не помогали». Я по-

чувствовала, что сейчас Манфред врежет Бриггитте в другой глаз. Мы с ним переглянулись. «Бриг, мне бы не хотелось с ним общаться. Но хотя бы разок я к нему могла бы съездить, чтобы разобраться, что с ним и как». «Что ты говоришь?! Это же ваш дедушка! Родной!» «Я бы посмотрел на тебя, если бы у тебя был обезумевший дед-нацист, который игрался в еврея или вещами убитых евреев, ты бы наверняка прыгала от радости и таскала бы ему каждый раз открытки с котятами, парочку детективчиков, фильмы Лени Рифеншталь и Файта Харлана и, непременно, яблочные мармеладные пастилки, да?»

Бриг собралась заплакать. «Бриг, не нужно. Это он от волнения чушь несет... И пойми... твой дед, он не воевал, так ведь?» Дед Бриг не умер и умирать не собирался, он был очень активный. Даже хобби имел: разрисовывал на свой вкус зонтики. У меня был зонтик, который он сделал специально для меня. Темно-бежевый фон, а по нему разбросаны мраморные маленькие Фемиды. «Да. На войне он не был. Мой дед был военным инженером. И у меня нет иллюзий по поводу того, чем он занимался. Но это – мой дед! Ты что думаешь, он в те времена пекарни конструировал, а может, детские карусельки, а может, стиральные машины, так что ли?» Ну, уж нет. Не дадим деду Бриг перехватить пальму первенства позорной славы у нашего деда. «А наш дед хо-рошенько прошелся по Польше, Беларуси и Украине. Тоже не крендели там выпекал. Он мясо запекал. Человеческое».

Бриг разрыдалась. Возможно, отец был прав, мне нужно было идти в прокуратуру.

«Что-то мне не нравится наше общение, – заметил Манфред. – Может, в кино пойдём?» «Ага. Точно, кино. «Список Шиндлера», например. Или “Пианист”». Манфред начал хохотать. И извиняться. Так он хохотал и извинялся какое-то время, Троль устал за ним наблюдать и сбежал в другую комнату. Бригитта притихла. А я сидела и наблюдала за испанским кораблем. Телефон. «Ма, привет». «Ты чего не отвечаешь на звонки?» «Я тут с Манфредом и Бригги. Разговором увлеклась». «А, Фредди рассказывает, как прошла церемония награждения?» «Нет, это я рассказываю, как прошла одна церемония». «Какая же?» «Ну, не очень наградная, если честно. Мама, а когда вы с отцом будете в городе?» «Может, завтра, а может, уже на будущей неделе, ты же в курсе о пиве Клауса?» «Лучше бы – завтра». «Зачем? Что случилось, Марта? Где Манфред?» «Рядом. Мама, слушай, а отец телефон дома оставил?» «Да. Он терпеть не может брать с собой мобильный, когда хочет отдохнуть. Сама понимаешь, стоит отъехать на несколько километров от Берлина, как начинается трезвон. Я и свой бы не включала, если бы не беспокоилась о вас». «Ма, у меня есть одна просьба. Ты не могла бы позвонить господину Коху? Он должен кое о чем проинформировать отца. Я думаю, что и тебе это сообщение покажется интересным. А потом перезвони нам». «Хорошо. Хотя не понимаю, к чему такой таинственный голос. Как в дешевой

оперетте, в суде или в костеле. Оставь это, доченька, это – плохой вкус!»

«Ну, что сказала мама?» «Сказала, что позвонит Олафу, а нам посоветовала на выбор – посетить костел, судебное заседание или оперетту». Мне хотелось увидеть реакцию Манфреда на судебное заседание. Но он сказал только: «В суд нас точно уже не пустят». А поскольку мой взгляд был такой же фланирующий, как испанский корабль на стенах его гостиной, он добавил: «Чего зависла, сестра? Кто из нас юрист? Сегодня судят того придурка, которого застукали, когда он совокуплялся с мопедом хозяина пиццерии. В зале полно журналистов, мы с Бриг смотрели два выпуска новостей!» Я молчала. «Не говори, что ты об этом не слышала! Ты вообще что-то читаешь, кроме романов Рота, своих лекций и “какие купальники будут модными в этом году”?» «Я не знаю, какие купальники будут модными в этом году». «Бирюзовые с восточными мотивами!» – откликнулся Манфред. Мы с Бриг внимательно на него посмотрели, и он покраснел. «Хоть кто-то в семье следит за модой кроме мамы. Вот почему ты обзавелся бирюзовыми плавками», – хмыкнула Бригитта. «Пусть теперь твой дедушка нарисует ему на них восточный узор. Все будет без ума от восторга. Наш дед тоже мог бы нарисовать: медсестра сказала, что он рисовал меня. Но он умер. Как ты знаешь».

«Все!» Манфред хлопнул в ладоши. Троль сразу откуда-то прибежал. Мы не двинулись с места. «Идем на «Ма-

рицу»! Я уже заказал нам билеты. Марта, можешь не переодеваться, я никогда не видел тебя такой элегантной». «Конечно, я же не читаю статьи о людях, которые влюбляются в мопеды, и о том, какие платья модно надевать в оперетту в этом сезоне». «Хи-хи, очень остроумно», – ответил он.

«И на оперетту я не пойду. Я в трауре». «Знаешь, сестра, я же не предлагаю тебе идти на какой попало спектакль. Нет! Я предлагаю тебе пойти на «Марицу». Марица тоже в трауре. Она вдова, если тебе изменила память. И это не мешает ей танцевать, водить за нос мужчин и вопить на весь зал». «Ты знаешь, все-таки лучше нам побыть дома». «У меня есть еще один аргумент! Это оперетта Имре Кальмана, а он – еврей по происхождению. Мне показалось, что у тебя сегодня кроме траура по деду еще и траур по евреям. Ну же! Поддержи Имре и его потомков трудовым евро! Очень подходящая для твоего состояния оперетта, лучше и не придумаешь». «У меня тоже есть аргумент, – вмешалась Бригитта. – У меня к твоему замечательному платью есть необычайно красивый шарфик – бордо в черных японских хризантемах», – оживилась Бригитта. Ей важно чувствовать себя нужной.

Я не подозревала, что столько берлинцев посещают оперетту. Зачем им выслушивать проблемы этой Марицы, своих что ли мало? Сама я здесь никогда не была. Я думала, что «Комише опер» давно превратили в гей-клуб. Шучу. На самом деле, я думала, что они показывают здесь такие спектакли, на которые стыдно приходить с родителями, а без ро-

дителей приходиться неинтересно.

«Ты только посмотри, как подходит интерьер к твоему платью! Жаль, что мы не взяли фотоаппарат, но я могу щелкнуть тебя мобилкой, ты только посмотри – богатый красный цвет и золотистое освещение!» «Бриг, прекрати!» Мы вышли в холл. «Ух ты, это ж надо. Привет!» И я увидела его. Венгра из квартиры Дерека. Который превращает себя в сосисочно-колбасный персонаж. И снова забыла, как его зовут. Наверное, его сюда привела тоска по родине. «Привет», – сказала я. «Какое пафосное платье! Ты в нем похожа на авторский обелиск». Думаю, что это был комплимент. «Не успела переодеться после кремации». «Марта, зачем ты заставляешь человека смущаться, лучше познакомь нас!» Бригитта в своем репертуаре. Зачем ей все эти знакомства? «Это... эээ». Господи, слава Богу, что я хотя бы помню, как звать эту парочку. «Короче, – знакомься, – Бригитта, Манфред, мой брат и его жена».

«Штефан! Очень приятно. Манфред, поздравляю вас с наградой, вчера мы с вашей сестрой как раз говорили о вас. Мне бы очень хотелось посмотреть на ваши работы, я слышал, что была выставка фотографий ваших объектов, если можно так выразиться...» Манфред поплыл. Я хмыкнула. Хмыкающий обелиск. Впечатляет!

«Ты с ним спала? Этот венгр – красавчик, похож на героев комиксов». Неумная Бригитта. «Что ты мелешь?» «Если ты не помнишь имени мужчины, это значит, что ты с ним

переспала. Если бы ты с ним работала, учила его или что-то в этом роде – ты бы помнила, как его звать. У меня всегда так. Если я знаю мужчину, но не могу припомнить, как его зовут, это значит, что я с ним спала». «Вот этого звать Манфред», – услужливо подсказала я, махнув рукой в сторону брата. «Дурында», – хихикнула Бригитта и легонько ткнула меня своим маленьким кулачком. Она никогда не обижалась на мои шутки. Не знаю почему, может, она их не понимала, может, считала, что я не в своем уме и не нужно меня злить, или родители воспитали ее так, что к любым родственникам, пусть даже придурковатым, нужно относиться дружелюбно.

«Девочки, начинается спектакль! Марта, почему ты никогда не знакомишь меня со своими такими симпатичными приятелями? Человек, который разбирается в искусстве, это невероятно, поразительно!» Хорошо, что я не человек от искусства. Постоянно зависеть от мнения посторонних людей – не для моей психики. Боже упаси. Юристом быть лучше, стоит только посмотреть на клиента чуть пристальнее, как у него начинается зуд.

«Это ты жужжишь?» Манфред – мастерский шептун. У него вообще уникальная дикция, лучше, чем у дикторов «Немецкой волны». «Мобилка. Это мать». «Ну напиши ты ей смс, что мы в оперетте». Так я и сделала. Мать не спросила, что мы там делаем и что слушаем. Она написала: «Завтра будьте дома. Приедем с отцом утром. Нужно поговорить. Марта, никаких журналистов, никаких расследований,

по крайней мере, до нашего приезда. Отец хочет все объяснить. Целую, мама». Тасилло в этот момент выводил:

«Эй, цыган, эй, цыган, песню мне пой!

Сердце мне песней успокой.

Ну, пой, ну, пой, цыган, пой цыган, песню мне пой!

Чтоб душа рыдала с тобой».

Я его понимала, наверное, как никто другой.

Глава шестая

Первый раунд выиграл отец. Я знала, что в его случае «поговорить и объяснить» всегда превращается в предъявить обвинение, защититься и, обязательно, осудить. Святая процессуальная троица. Иначе он общаться просто не умел и не хотел. Когда я добралась до квартиры родителей, а это было около восьми утра, они уже приехали, распаковались и пили кофе с ароматным печеньем, которое испекла Розамунда Баварская. Манфреда пока не было. Мы с ним не созванивались, я понимала, что это тоже было моей ошибкой, так как отец и мать выступали одним фронтом. Это было понятно даже по тому, как они оделись.

Несмотря на то что отец вершил правосудие, скрываясь под мантией, одежду для каждого процесса он подбирал тщательно. Мне это прекрасно было известно. Сейчас он был одет в кофейный джемпер, из-под которого виднелась рубашка в тонкие розовые и кофейные полоски, коричневые классические брюки, необходимый акцент он сделал на галстук. Это для того, чтобы что-то стало раздражителем для собеседника. Галстук был цвета, который я звала – голубиный. Сине-серо-зелено-сиреневый. С отливом. Он выполнял функции не только раздражителя, а еще и отвлекал от того, что именно говорит тот, кто его надел. Ты вынужден был смотреть не в глаза собеседнику, а на этот чертов галстук.

Не успела я подумать, что со мной такие фокусы не пройдут, как тут же поняла, что уже пропустила мимо ушей его слова, так как тарасилась именно на галстук.

«Что? Извини, я тебя не услышала». Отец посмотрел на меня с иронией. Всегда приятно, когда срабатывают твои штучки. Он будто говорил, кроме того, что ты, девчонка, позволила себе опоздать, ты еще имеешь наглость не слушать, что я тебе говорю. Иногда взгляд отца выдержать было невыносимо, с другой стороны, а чего можно ожидать от человека, который каждый день имеет дело с лжецами? Даже когда отец молился перед обедом, создавалось такое впечатление, что он собирается не вымалывать, а судить. Что само по себе выглядело кощунством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.